

ДИКИЙ ПЛЯЖ

*Вы еще не знаете,
что такое УЖАС*

Александр ВАРГО

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Дикий пляж

«ЭКСМО»

2008

Варго А.

Дикий пляж / А. Варго — «Эксмо», 2008 — (MYST. Черная книга 18+)

Группа молодых людей едет отдохнуть на дикий пляж. По пути им встречается цыганка, которая советует отказаться от поездки, но ее слова никто не воспринимает всерьез. Пьянящая молодость не ведает страхов и сомнений! Теплое море, живописный безлюдный берег, величественные горы – что может быть плохого в этом раю? Ничего. Вот только старая легенда гласит о том, что в местном болоте когда-то давно утонула девушка и ее может возродить к жизни свежая кровь. И тогда один из парней вспоминает, что нечаянно уронил в то самое болото платок, которым он останавливал кровь из порезанной руки...

© Варго А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ I	6
ЧАСТЬ II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Варго

Дикий пляж

Пролог

Море было спокойно. Солнце лениво клонилось к горизонту, окрашивая облака в багряный цвет. Волны мягко плескались у берега, играя мелкими обкатанными камешками.

– Ну, вроде бы все. – Кряжистый, широкоплечий в камуфляже цвета хаки крепыш с красным обветренным лицом затушил сигарету. На поясе кобура с выглядывающей из нее рукояткой пистолета, глаза пронзительные, холодные. Он подошел к неподвижно сидящему на большом камне бородатому мужчине лет сорока, крепкого телосложения, темный платок покрывает голову, на теле плотно обтягивающая майка и защитного цвета брюки. Он был бос.

– Ты помнишь наш уговор? – обратился крепыш к бородачу.

Тот молча кивнул.

Крепыш в упор смотрел на него.

– Никто не должен ничего знать. *Ни-кто ни-че-го*, – по слогам произнес он, с недовольством глядя на сидящего мужчину.

«Упрямый осел!» – читалось в его взгляде.

«Катился бы ты к черту!» – говорили глаза бородача.

– Я все помню, – терпеливо сказал он.

– Не понимаю я тебя, – произнес крепыш. – Зачем тебе это нужно? Ты не боишься?

Едва заметная улыбка пробежала по загорелому лицу мужчины:

– Богу богово.

– А бабе – кесарево, – заразительно захохотал мужчина в камуфляже и подал ему руку.

– Удачи. Если что – ты знаешь, как меня найти. – Он улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

Бородач вежливо ответил на рукопожатие.

Мужчина в камуфляже зашлепал по воде и через минуту был в лодке, мерно покачивающейся на волнах. Заработал мотор, и крепыш в прощальном жесте махнул рукой бородачу.

Он еще долго провожал взглядом уносящуюся лодку, после чего вздохнул и пошел прочь с берега.

С моря подул вечерний бриз.

ЧАСТЬ I

Сомнамбулизм (от лат. somnus – сон и ambulo – хожу) – лунатизм, расстройство сознания, при котором автоматически совершаются привычные действия (ходьба, перекладывание вещей).

Три года спустя...

Я понял, что отношения с Дианой у меня никогда не станут прежними, в тот момент, когда мы, шутя и смеясь, загружались в запыленный «Икарус». Одного ее красноречивого взгляда на Виталия было достаточно, чтобы понять – любовь прошла, завяли помидоры. Как еще говорит Виталий – «гумбочки врозь, тапочки по почте».

«Мы» – это некогда крепко сплоченная компания, за исключением разве что Игоря и Ольги. У Игоря была смешная фамилия – Гульфик, из-за чего за глаза все его называли Гуфи.¹ Кроме того, Игорь действительно чем-то внешне походил на Гуфи – такой же плотненький, с выпирающим брюшком, неуклюжий, с такой же забавной походкой. Взять его с собой настоял Виталий, несмотря на то что Гуфи, по сути, никого из нас толком не знал и вообще был типичным домоседом, человеком, далеким от путешествий и приключений.

Как-то Виталий рассказывал, что Гуфи помешан на компьютерах и если бы ему предложили на выбор переспать с Шарон Стоун либо просидеть на халяву всю ночь в Интернете, Игорь, безусловно, выбрал бы второе. Не могу не согласиться с Витом, но, на мой взгляд, компьютеры не являются главной причиной отказа поиметь известную киноактрису, поскольку все дело в его скованности.

Ольга же была подругой Дианы, хотя ничего общего между ними (разве что они обе существа женского пола) не было. Сравнить их, на мой взгляд, было все равно что искать сходство между тракторным клапаном и каплей росы. Когда-то давно их родители были близкими друзьями, этим, собственно, их связь и ограничивалась. До этого я пару раз видел Олю, так, ничего экстраординарного. Серенькая мышка с собранными в хвост белесыми волосами, нос в веснушках. Тем не менее какая-то изюминка в ней все же была. Вероятно (и я в этом позже убедился), она относилась к той категории женщин, которые могут годами быть неприметными и в один миг преобразиться в неписаных красавиц (я имею в виду не использующих косметику). Но об этом я тоже расскажу позже.

Вообще-то тенденция к охлаждению моих отношений с Дианой намечалась уже давно, но ее открытый флирт с Виталием стал для меня полной неожиданностью. Все чаще меня посещала мысль, что подобная совместная поездка в нынешнем составе станет последней.

Ди... Так ласково я ее называл, и ей самой нравилось это. В такие минуты она была похожа на теплую пушистую кошку с томными зелеными глазами, в которые можно глядеться, как в зеркало.

Всю дорогу в поезде до Новороссийска она явно сторонилась меня, на вопросы отвечала с неохотой и односложно, постоянно жаловалась на плохое самочувствие. Однако чудодейственное выздоровление происходило сразу же, когда в компании появлялся Вит. Его оригинальные шуточки, а также неизменно следовавший за ними счастливый смех Дианочки навевали мысль о том, что, если бы все люди болели таким образом, больных на Земле не осталось бы вообще и врачи оказались бы без работы. Многозначительные взгляды, перешептывания, произвольные касания друг друга – все это прекрасно видел я и окружающие.

¹ Персонаж мультфильмов Уолта Диснея, неуклюжий, добродушный пес.

Да, она была роскошной женщиной – невысокая, отлично сложенная, длинноногая блондинка, причем блондинка натуральная. Очевидно, господь бог изрядно попотел, творя такое совершенство. Само собой, красивые женщины, особенно если они чувствуют, что таковыми являются, ведут себя соответственно своему статусу красавицы. Диана не была исключением из этого правила. Всем своим поведением эта девушка демонстративно показывала, что она является стержнем всего на свете, а все остальное вертится вокруг ее соблазнительной фигурки. Вместе с тем, прекрасно понимая, что как-то совсем незаметно я превратился в первосортного подкаблучника, я тем не менее делал все возможное, чтобы угодить своей «вишенке», «солнышку», «ласточке» и так далее и тому подобное.

Последнее время мы часто ссорились, а обычные конфликты между людьми, как известно, очень редко разрешаются так, как это показывают по телевизору в дешевых мелодрамах. В суровой реальности все проблемы возвращаются снова и снова, как бы вращаясь по спирали, пока вовсе не исчезнут.

Вместе с тем нельзя не отдать должное Диане – все отлично понимали, зачем она взяла с собой Ольгу. Я никогда не верил в женскую дружбу, но в данном случае мне пришлось пересмотреть свои позиции на этот счет. Ольга была девушкой стеснительной и закомплексованной, и, насколько мне известно, без ухажера. Одновременно я понял, зачем Виталий всеми силами пытался уговорить ехать с нами упирающегося Игоря. Однако я с большим трудом смог себе представить Игоря и Ольгу влюбленной парой.

Мои воспоминания прервал веселый смех Ирины – третьей девушки в нашей компании. Невысокая, стройная, она всегда нравилась мне. Ее изюминкой были короткие волосы, выкрашенные в малиновый цвет, которые в ночное время напоминали стоп-сигнал. Помогая залезть ей с рюкзаком в автобус, Денис Аверин как бы невзначай ухватился рукой за ее упругую попку, плотно обтянутую выцветшими потертыми джинсами, делая вид, что ее подсаживает. Ирина всегда носила потертые джинсы и такие узкие, что можно было разглядеть год выпуска монеток, лежащих у нее в заднем кармане.

Ира Линицкая в целом неплохая девчонка, но заслуживала много больше, чем мог ей предложить Дэн. Она – студентка финансово-экономического факультета МГИМО, параллельно работает на двух работах, живет в общежитии. Он – сын довольно влиятельных родителей, облизанный и обхаживаемый ими с самого детства, в прошлом – большой любитель заложить за воротник. Вопрос карьеры его отец в один прекрасный день поставил ребром – поступление в вуз (естественно, престижный) либо пусть сушит сухари и учит воинские уставы. Страх попасть в армию оказался сильнее тяги к спиртному, хотя большого толка от учебы Дениса не было – сроки решения проблем с экзаменами зависели от толщины конверта, вручаемого под столом тому или иному преподавателю.

Я был уверен, что эта поездка разболтает Дэна и он снова потянется к бутылке. Бог знает, что Ирину держит возле него.

Тем не менее я был несказанно удивлен, как трепетно относится к ней Дэн. Всегда дурашливый, он, казалось, никогда не бывает серьезным. Сколько я его помню, в разговоре с девушками он вел себя довольно цинично и развязно. Иру же он боготворил и не отпускал от себя ни на шаг.

На Денисе ярко-голубая футболка с изображением мышонка и надписью: «I like milk, because it comes from tits»,² короткие шорты и кеды. Его длинные темно-русые волосы перехвачены кожаным ремешком. На правом плече Дэна пристроилась его питомица – белая крыса по имени Зина. Глупее имени для крысы не придумаешь.

Ко мне подошел водитель – паренек лет двадцати – двадцати трех, в шлепанцах и засаленной рубашке, под мышками темнели пятна пота. На худой загорелой груди болтается

² Я люблю молоко, потому что оно выходит из сисек (англ.).

клык какого-то зверя, с уголка рта свисает «прима». Попытка казаться суровым выглядела у него печально, а сигарета скорее заставляла слезиться его левый глаз, чем придавала крутой вид.

– Когда трогаемся?

Я посмотрел на часы.

– Скоро. Это твой молочный? – Я ткнул пальцем в висящий на его шее клык.

Парень разинул рот:

– Че?

Я с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

– Нет, все в порядке.

Водитель выпустил дым и, демонстративно сплюнув, вразвалочку пошел к кабине. Я посмотрел ему вслед.

(Через какое-то время он женится на глупой девушке, они наплодят глупых детей, жена растолстеет, а он умрет от рака легких либо расшибет в пьяном угаре себе голову.)

К отправлению все было готово, я допил пиво и зашвырнул бутылку в кусты. Затем, поразмыслив, что ехать нам как минимум два часа, решил облегчиться.

– Отправление физиологической нужды в пределах видимости с федеральной дороги влечет наложение административного взыскания, – нравоучительно сказал Виталик, пристроившись рядом.

Я промолчал. Юрист хренов.

Пока он возился с «молнией», я подумал, что один из моих лучших друзей увел у меня девушку. Этот человек – Сосновцев Виталий, или Вит, как я его называл с детства, с которым преодолено немало жизненных трудностей. Идея ехать в таком составе туда, куда мы направляемся, мне уже явно не нравилась.

Из дневника Ольги Соломатиной.

12 августа 2001 г., 21:15

«Господи, неужели это свершилось?! Как я мечтала, надеялась, ждала этого момента, и вот наконец он настал! Хотя с Дианой мы давно не виделись, я все равно люблю ее и всегда рада видеть ее. Родители наши разругались – дураки, да и только. Дианин папа приревновал свою жену к моему отцу, вот смеху! В тот день они напились у нас на даче и Валерий Георгиевич (ее папа) сказал моему отцу, что ему все известно и он часто видел его с Надеждой вместе. Дело закончилось бы дракой, если бы не вмешались тетя Надя и я. С тех пор мы почти не виделись, и вот вчера все окончательно решилось – я еду с ребятами. Сколько было уговоров и слез!

Отец был категорически против и наотрез отказался отпускать меня. С тех пор как умерла мама, многое изменилось, и он сильно привязался ко мне. Горе сближает, сейчас та душевная рана затянулась, и жизнь продолжается. Вчера отец пришел навеселе, и я все рассказала ему о своей предстоящей поездке. Что тут было! Стукнув кулаком по столу, он рявкнул: «Свою дочь на блядки не пущу!» Однако как только он услышал имя Димы, то лицо его сразу смягчилось. Он давно его знал и хорошо к нему относился. Мне лично Дима не очень нравится – постоянно шляется с мотоциклетной шпаной, откалывает тупые шуточки в стиле этих американских даунов – Бивиса и Батхеда. Что у

них с Дианой общего, не пойму. Правда, Диана говорила, что он сделает для нее все, что она пожелает. В последнее время у них что-то не ладится, и она мельком упомянула, что в эту поездку они едут уже просто как друзья. Но отцу Дима очень нравится, и он взял с меня слово, что я буду его держаться.

Мне не сказали точно, куда мы едем, я знаю лишь, что на какую-то турбазу в районе Новороссийска. Вообще-то Диана мне сказала, что в нашей компании, возможно, будут ребята, которые не прочь бы познакомиться с девушкой, ибо идут без пары. Интересно, знаю ли я их?

Все, пойду собирать вещи».

Последние приготовления закончены, и «Икарус» тронулся, поднимая клубы горячей пыли.

Так совпало, что у всех нас примерно в одно и то же время выдалось свободное время, и было решено совершить поездку на море. Вопрос с выбором конкретного места быстро решил Вит – он предложил сорваться в Красную Щель. Помню, как он восхищался ею после того, как впервые побывал там, и я не сомневался, что там действительно клево – у Вита вкус что надо. (Точно что надо, посмотри внимательно, какая девица сидит у него на коленях...)

Волна ревности снова захлестнула меня с головой, вызвав прилив раздражения. Стиснув зубы, я пытался сосредоточиться на пронсящемся мимо пейзаже, загоняя мысли о Ди в самые потаенные уголки подсознания...

С деньгами тоже проблем не было – каждый наскреб по 300–400 долларов, основной вклад, конечно же, сделал Дэн. Честно глядя в глаза своему строгому папане, он сказал, что едет со своими друзьями-студентами в Крым изучать местную флору с фауной, а также собирать гербарии. Прослезившийся старик, не торгуясь, выложил требуемую Дэном сумму порядка 2000 долларов, и вот мы в дороге.

Идея отправиться в поход в одно из самых глухих и диких мест, затерянных где-то в горах на юге России, куда можно добраться только по воде либо на вертолете, – что может быть заманчивее?

Где-то в глубине души я тешил себя надеждой, что кардинальная смена обстановки изменит настрой Дианы по отношению ко мне, и всю дорогу я ждал, что она снимет с себя эту холодную маску безразличия, подойдет и скажет: «Да, мы наломали много дров, мы оба в какой-то степени виноваты в том, что произошло, но теперь я хочу с тобой серьезно поговорить», – и посмотрит мне в глаза так, что я сразу все пойму, и мы крепко обнимемся... Но... подобное бывает только в мыльных операх и дешевых романах.

– Господа, поездка будет длинная, поэтому предлагаю срочно выразить свои мнения по поводу нашего времяпрепровождения в столь долгой дороге, – объявил Денис. – Лично я буду пить пиво.

С серьезной миной он вытащил из ящика под сиденьем две запотевшие бутылки. Открыв их, он протянул одну Ире. Та с готовностью прильнула губами к влажному горлышку и сделала жадный глоток. Языком слизнула капельку с верхней губы. Держа бутылку левой рукой, правой она медленно водила по джинсам Дэна, приближаясь к «молнии».

Ди, устроившись с Витом на задних сиденьях, о чем-то весело щебетала. Игорь сосредоточенно смотрел в окно, шевеля губами. «Наверно, вспоминает основные требования к установке очередного диска», – почему-то пришло мне в голову, и я улыбнулся.

– Виталик, а куда мы едем? – робко поинтересовалась Ольга.

– Место просто обалденное! Море, горы, великолепные закаты, звездные ночи... Правда, я там был лет шесть назад, но впечатлений – вагон и маленькая тележка. Райский уголок, затерянный в непроходимых лесах и горах. Местечко называется Красная Щель.

Дэн поперхнулся пивом и стал хихикать.

– Господи, детский сад, штаны на лямках, – фыркнула Диана.

– Так вот, – продолжал Вит, – одно время это место интересовало археологов, поскольку, если верить официальным источникам, в V веке нашей эры в этой местности располагались скифские поселения и могильники. Так же как и египтяне, скифы верили в загробную жизнь и большое внимание уделяли тому, что их будет окружать после физической смерти. Таким образом, рядом с умершим хоронили его любимых животных, предметы домашней утвари и, конечно же, различные драгоценности и украшения. Нельзя забывать и о том, что среди скифов было много зажиточных купцов, ведь в то время они часто совершали набеги на другие племена. А значит, при раскопках можно обнаружить бронзу, серебро и даже золото!

Естественно, в Красную Щель хлынул поток так называемых «черных археологов». Участились стычки между местными жителями и работниками экспедиций, так как первые не желали расставаться с тем, что, по их мнению, принадлежало только им. Я имею в виду частные несанкционированные раскопки. Через некоторое время атмосфера накалилась настолько, что в дело вмешались правоохранительные органы. Закончилось все весьма плачевно: два трупа – один археолог, а другой – местного жителя. Подробностей, увы, не знаю.

– Какой-то неинтересный конец, – отхлебнув пива, произнес Дэн.

Глядя на него, я решил последовать его примеру и достал себе ледяную бутылку. Жаль, к концу поездки они нагреются. Я подумал, что в крайнем случае пиво можно остудить в море. Виталий продолжил:

– После трагической смерти двух человек интерес к Красной Щели немного поубавился, археологи уехали. Со временем деревушка пришла в запустение, почти все жители подались в город. Насколько мне известно, об этом месте еще долго ходили странные истории, одна другой мрачней, но слухи ничем не подтверждались. – Вит выдержал паузу. – Одно время в этом месте какие-то энтузиасты-барды пытались организовать туристическую базу, но что-то у них не получилось, и все разъехались. Сейчас в Красной Щели находится один хороший знакомый моего отца, он живет там почти шесть лет. Точнее будет сказать, он проводит там время с весны до заморозков, а зимой живет в небольшом поселке, название не помню. Кажется, Соловьи или что-то в этом роде. Через него, собственно, мне и удалось организовать нашу поездку.

Вит замолчал. Я услышал чмокающие звуки, что могло означать только одно. Меня пере-дернуло.

– Долго нам еще ехать? – тоскливо спросил Игорь. Это были его первые слова с тех пор, как мы сошли с поезда.

Мне стало немного жаль его. Неуклюжий, стеснительный, он никак не вписывался в нынешнюю обстановку. Сползающие на нос очки, тесная футболка, из которой он явно вырос, носки разного цвета. Сомневаюсь, что у него с Ольгой что-нибудь получилось бы. Судя по выражению лица Гуфи, он с радостью плюнул бы на Ольгу, как, впрочем, и на все это путешествие, предоставь ему возможность оказаться в своей пропыленной квартире и ковыряться с компьютером.

– Игорек, а ты плавать умеешь? – игриво поинтересовалась Ирина, устраиваясь поудобней в кресле.

Зина засеменила по плечу Дэна и стала карабкаться ему на голову. Тот, чертыхаясь, снял ее и снова посадил на плечо. Успокоившись, крыса улеглась и внимательно уставилась на меня своими блестящими глазами-бусинками.

– Лучше всего стилем утюг, – неожиданно улыбнулся Игорь.

– Все, с сегодняшнего дня начинаем практические занятия по плаванию! – хлопнула в ладоши Ира.

– Господа, анекдот. – Дэн снова взял в руки задремавшую было Зину и, откинувшись в кресле как можно больше назад, положил ее себе на живот.

– Опять какая-нибудь пошлятина? – Голос Ди пронизывал явный сарказм.

– Почему же, – невозмутимо ответил Дэн и рыгнул. Запоздало прикрыв рукой рот, он виновато посмотрел на сидевших, хотя в глазах его плясали чертики.

– Приходит, значит, к доктору женщина и говорит: «Доктор, помогите!» Тот: «В чем дело?» – «У меня все лицо в морщинах, сделайте мне пластическую операцию». Доктор говорит: «Вы знаете, необходимость в пластических операциях отпала после необыкновенного изобретения. Мы вам вживим в затылок титановый болтик, и по мере появления морщин будете его подкручивать». В общем, вживили этой бабе гвоздик, то есть, тьфу, болтик в голову. Да, вот так. Короче, прибегает она к этому же доктору через неделю и орет на всю клинику: «Вашу мать! Посмотрите, что это за говно!..»

– Денис, перестань ругаться! – Ирина сердито пихнула Дэна в бок.

Тот, не обращая на нее внимания, продолжал:

– Доктор спрашивает: «Что случилось?!» Та: «Из-за вашего болтика у меня мешки под глазами появились!» Доктор снимает очки, смотрит на нее и говорит: «Милая моя, это не мешки, а сиськи, а если вы так и дальше будете его закручивать, у вас скоро борода появится!»

После последней фразы Дэн начал громко хохотать, расплескивая пиво на свой живот и на Ирину, которая, недовольно посмотрев на него, принялась отряхиваться. Что меня всегда забавляло в Денисе, так это его способность получать удовольствие от собственных шуток. Зина, разбуженная шумом, недоуменно водила усиками по сторонам, словно интересуясь причиной такого веселья. Игорь тоже захихикал, поправляя сползающие очки (ну прямо Валерка из «Неуловимых мстителей»). Вит же только слегка улыбнулся.

В этот момент мы подъехали к горам, которые, подобно гигантским древним исполинам, возвышались над нами. «Икарус» заметно сбавил скорость. Начался крутой подъем, дорога стала сужаться, и я пораженно смотрел, с какой ловкостью парень управляет автобусом.

Внезапно перед нами сапфировым ожерельем заискрилось Черное море. Ирина непроизвольно ахнула. Уходя далеко за горизонт, оно будто манило к себе, неторопливо покачивая волнами, приглашая полюбоваться на него. У самого берега оно было прозрачным как слеза, позволяя разглядеть огромные валуны, поросшие темными водорослями, напоминающие невиданных подводных чудовищ, стайки мелких резвых рыб, шныряющих в поисках пищи. Чуть дальше вода приобретала нежно-голубой цвет, который вскоре переходил в темно-синий, и уже на горизонте поверхность моря в лучах палящего солнца сверкала фиолетово-чернильным окрасом. На берегу, будто хлопья снега, расположилось несметное количество чаек, время от времени раздавались их пронзительные крики.

Гуфи, как замороженный, не отрываясь, смотрел в окно, прильнув носом к стеклу, будто заболевший гриппом мальчишка, наблюдающий за игрой своих друзей в футбол на улице.

– Bravo. – Денис допил остатки пива и наклонился, чтобы взять следующую бутылку.

Ира толкнула его в бок:

– Тебе пока хватит, потерпи, скоро приедем.

– Слушаюсь, товарищ прапорщик, – ответил Дэн. Вид у него был сонный. Обняв Ирину, он закрыл глаза и через пару минут уже мерно похрапывал.

Постепенно меня тоже стало клонить ко сну, и, убаюканный мерным урчанием мотора, я уснул.

* * *

– Слава богу, Стропов успокоился. Боялась, закатит скандал прямо в поезде, – тихо сказала Диана Виталию.

– Ничего бы не было. Он уже давно догадывается, не дурак ведь, – рассудительно ответил ей Вит.

Дирассеянно глядела на пронсящийся мимо однообразный пейзаж, состоящий из бесконечной лесополосы и изредка мелькавших гор.

Она вспоминала, как они с Виталием уединились в купе и он обнимал ее своими сильными руками, нежно ласкал языком по очереди каждый сосок, опускаясь все ниже и ниже... Какое блаженство! Неожиданно в дверь купе раздался настойчивый стук, и она мгновенно поняла, что это был Дима.

«Да?» – задыхающимся голосом спросила она.

«Ди, открой».

«Я сплю, и у меня болит голова».

Стропов пробурчал, что он, вероятно, является ходячим атомным реактором, поскольку голова у Дианы начинает болеть именно тогда, когда он подходит к ней ближе чем на два метра. Она раздраженно попросила его больше не беспокоить, после чего он, немного потоптавшись возле купе, удалился, а они с Виталиком погрузились в сказочно-сексуальный мир страсти и экстаза.

С Димой ничего подобного у нее никогда не было. Да, он был нежен, предан, как верная собака, но в постели у него все было предельно просто и обыденно: «Раздевайся, ложись, здравствуй!» До армии он таким не был. Дурачок! Надо же быть таким лопухом, чтобы всерьез рассчитывать на то, что она будет ждать его целый год!

Девушка вернулась мыслями ко дню их первого знакомства. Она поругалась со своим очередным ухажером, который, очевидно, решил, что их первая встреча непременно должна закончиться постелью. В итоге Диана расцарапала ему щеки, а он вытолкнул ее из машины посреди МКАД в три часа ночи, обзвав на прощание сукой. Буквально через минуту на мотоцикле подъехал незнакомый юноша. Его железный конь рычал и хрипел, изрыгая из выхлопных труб клубы отработанных газов, он был одет в кожу... и он предложил ее подвезти. При любых других обстоятельствах она лишь поджала бы губы и прошла мимо. Но машин в это время на трассе было немного, и не факт, что следующий, которого она остановит, окажется более порядочным, чем предыдущий, так что выбора у нее не было. Кроме того, почему-то она сразу решила, что этот молодой человек не способен на низость, и она не без труда взгромоздилась на заднее сиденье мотоцикла.

«Дмитрий», – просто сказал он и улыбнулся.

Так они и познакомились.

Сначала ей все нравилось – поездки на природу, независимость, веселые компании. Но она все равно чувствовала себя чужой, ее бесили снисходительные взгляды подруг друзей Димы, тоже затянутых с ног до головы в кожу, которые никак не хотели принимать ее к себе в среду и считали ее белой вороной. Дмитрий метался между двух огней, пытаясь угодить ей и не упасть лицом в грязь перед своими товарищами.

Потом он состриг свои длинные волосы и ушел в армию. Диана вздохнула свободнее и внезапно поняла, что Дима уже порядком ей надоел. К тому же он познакомил ее со своим лучшим другом детства – Виталием, который в отличие от Димы не колесил сутками по ночным улицам, мешая спать людям, а имел реальные перспективы и все силы отдавал карьере (он работал консультантом в коммерческом банке).

После армии Стропов долгое время слонялся без дела, не упуская возможности в очередной раз отметить со своими мотоциклетными друзьями свою «счастливую демобилизацию». В тот момент ей так было важно его внимание, она еще на что-то пыталась надеяться... Хорошо, потом пристроился в автомобильный сервис, теперь хоть свои деньги появились.

А эти его дурацкие увлечения! Весь день возится со своим мотоциклом, который, как бы в отместку, ломается каждый раз, как только она решается на то, чтобы Дима ее покатал. У Дианы нередко возникало ощущение, что эта железная машина ее ревновала. А вечером –

черные от масла руки, пропахшая бензином одежда и бутылка пива. Ни в кафе сходить, ни на ночную дискотеку. Правда, ходили как-то в театр на какой-то идиотский спектакль. Скучно.

Автобус стал снижать скорость.

* * *

Я проснулся оттого, что на очередной кочке больно ударился головой об стекло автобуса.

– Все, приехали. – Водитель «Икаруса» стал плавно притормаживать.

Я невольно проникся уважением к нему – дорога в ту местность, куда мы направлялись, была крайне сложная, один серпантин чего стоит. Может, он и не умрет от рака легких. Я усмехнулся и стал подниматься. Спина чертовски затекла.

Сзади зашевелились Вит с Дианой. Игорь стоял на ступенях автобуса и, щурясь, с озабоченным видом оглядывал местность.

Водитель автобуса тоже вышел на улицу, закурив очередную «приму». Я обратил внимание на его зачерствелые руки.

– Как договаривались? – спросил я.

– Само собой.

Хрустящая купюра достоинством пятьдесят долларов США перековывала в его мозолистую ладонь.

Из автобуса в это время выходили Денис с Ирой, и первый снова, воспользовавшись удобным случаем, облапал Ирину, явно заботясь о том, чтобы она, упаси господь, не брякнулась своей аппетитной попкой на пыльный щебень.

– Если что надо купить, тут рядом ларек, – водитель указал куда-то в сторону рукой с сигаретой, – правда, работает он нерегулярно.

Дивопросительно посмотрела на Вита, тот пожал плечами:

– Все необходимое у нас есть.

– Мы с Дэном сходим. – Ирина подхватила Дениса под руку.

– Я с вами. – Ольга скинула рюкзак и пошла вслед за ними.

Я оттащил вещи в сторону.

– Желаю удачи, ребята. – Водитель с деланным равнодушием отправил щелчком грязного ногтя скуренный почти до основания окурок в кусты. – Я думаю, в здешних местах она вам пригодится.

С этими словами он стал подниматься в кабину. Я остановил его и протянул руку. Помедлив секунду, он пожал ее.

– Дмитрий.

– Степан.

До того, как за ним автоматически закрылись двери автобуса, я успел перехватить его взгляд. В нем сквозила снисходительность, присущая старожилу при общении с приезжими туристами из города, и некоторая доля уважения. Было что-то еще, что-то такое неуловимое, словно мимолетная тень от крохотного мотылька.

Только спустя некоторое время я понял, что это был затаенный страх.

* * *

Глядя на медленно взбирающийся в гору покрытый пылью автобус, смахивающий на громадную гусеницу, я не заметил, как из-за поворота вышла пожилая цыганка с крохотным мальчиком на руках. Ветхий платок на голове, истрепанная цветастая юбка до щиколоток закрывает черные от загара ноги в растоптанных сандалиях, тяжелые сверкающие браслеты на худых руках, в ушах покачиваются массивные серьги. Необыкновенно глубокие и проника-

тельные черные глаза. Мальчонка, завернутый в какое-то тряпье, с сосредоточенным видом сосал апельсиновую корку, наверняка найденную на ближайшей помойке, и с любопытством рассматривал нас.

Все ждали, что цыганка начнет сейчас клянчить у нас деньги и просить разрешить ей погадать, однако она устало присела в трех-пяти метрах от нас на поваленное дерево и закрыла глаза. Малыш утратил интерес к корке и теперь оживленно копошился в траве, пробуя на вкус обнаруженных в ней жучков.

Вит закурил. Высокий, почти под два метра (годы тренировок в баскетбольной секции не прошли для него бесследно), одетый в шорты и рубашку с коротким рукавом, он, прищурившись, смотрел на море.

Несмотря на то что солнце близилось к закату, спину скоро стало невыносимо печь. Я огляделся. От главной дороги, по которой нас привез «Икарус», вправо уходила узенькая тропинка, по которой только что ушли Денис с девушками, и я неожиданно ощутил мимолетное прикосновение djavu, ложной памяти, словно я уже ходил по ней. Невдалеке виднелись несколько расшатанных от времени и непогоды крошечных, как в детской сказке-страшилке, саманных домиков с покосившимися крышами, подслеповатые окна которых почти совсем ушли в землю.

Прямо перед нами метрах в десяти-пятнадцати был обрыв, с вершины которого море казалось еще больше и величественнее, оно почти сливалось с небом, линия горизонта уже различалась не так отчетливо, словно на ровно изображенную синими чернилами полосу неосторожно уронили каплю воды, и ее слегка размыло. Солнце неуклонно приближалось к горизонту, набухая огненной лавой.

Метрах в десяти от того места, где сидела цыганка, высился проржавевший столб с вывеской, гласившей:

СОЛОВКИ

Проступавшая через поблекшую краску ржавчина напоминала кровавые потеки.

Левее, где начинались горы, виднелась еле заметная тропка, шириной не больше девичьей ладошки, уходившая круто вверх. По краям дорожки буйными зарослями раскинулись густые кустарники, высокая трава была почти по пояс. Но больше всего меня поразило то, что еще дальше, за горами, сквозь обжигающее марево я увидел окутанные дымкой две громадных скалы, вершины которых были покрыты слепящим глаза снегом. Воздух был горяч, как в хорошо пропаренной бане, лицо приятно обдувал бриз, донося давно забытые запахи горчично-соленой морской воды и водорослей. Пронзительный стрекот цикад на первых порах закладывал уши, однако вскоре мы свыклись и с ним.

Правее, метрах в тридцати от берега, в море уходил небольшой причал, у края которого на волнах покачивался белый катер.

Вит мягко убрал руку обнимавшей его Дианы и тоже подошел к нам.

– В 18:00 нас внизу будет ждать лодка.

Я посмотрел на часы. 18:09.

– Пора.

– Дождемся ребят, – снисходительно улыбнулся Вит, выпуская кольца дыма.

– Мы едем дальше? – спросил Гуфи.

– Осталось немного, километров сорок по морю. По суше к этому месту добраться практически невозможно.

– Почему? – спросила появившаяся сзади Ди.

– Отвесные скалы, непроходимые чащи, тучи комаров, ядовитые змеи... Тебе мало?

Вит взял ее за руку. Она обняла его за бедро. И с этой секунды я возненавидел их.

Они оба смотрели на меня, многозначительно улыбаясь. В этот момент у меня в мозгу всплыл образ двух стервятников, сидящих невдалеке от бьющейся в агонии раненой антилопы и терпеливо дожидаящихся ее смерти.

В ответ я также одарил их улыбкой. Очевидно, она вышла не очень хорошей, поскольку довольные выражения с их лиц мгновенно исчезли.

Вскоре появились ребята. Ирина несла два больших пакета, Денис... наивно было бы полагать, что он купит что-нибудь другое – в его руках была здоровенная коробка, из которой доносилось характерное позвякивание. Пиво.

Ольга присела на корточки перед цыганенком и стала угощать его леденцами.

– Черт бы побрал это место! – в сердцах воскликнул Денис, – Два сорта пива и оба просроченные – осадком на дне можно закусывать. Надеюсь, нам все же хватит того, что у нас с собой... Спускаемся? – Дэн посмотрел на Вита и перевел взгляд на меня. По его виску стекала струйка пота.

– Вперед! Красная Щель, держись!(С таким количеством спиртного она вскоре станет фиолетовой.) – Выкрикнув свой нехитрый лозунг, Дэн стал осторожно спускаться вниз по полустертым ступеням. Обувь сразу наполнилась теплым песком.

– Вы направляетесь в Красную Щель? – раздался хриловатый голос.

Все обернулись. Цыганка встала с поваленного дерева, усталости в ней уже не чувствовалось, глаза горели. Малыш в траве перестал сосать конфету, и его чумазая мордочка внимательно смотрела на нас.

Вит удивленно взглянул на пожилую женщину.

– Ну да. А что?

Сухие губы цыганки медленно раздвинулись в кривой улыбке.

– Там вас ждет темнота.

Все недоуменно переглянулись. Затем, после секундного замешательства, Денис приснул и сказал:

– Да-да! Там темнота, там леший бродит и Бабай... Там что, полярные ночи? Вит, ты взял фонари?

Дыхание женщины стало прерывистым, иссушенные руки дрожали, огромные черные прожигающие глаза стали больше обычного.

Вит с насмешливым видом пнул лежащий на тропинке камень.

– Ты не понимаешь. – Лицо цыганки как-то сразу сморщилось, и она стала выглядеть лет на десять старше. – Вы молоды, красивы... и не знаете... – Речь ее стала затрудненной, слова будто выплевывались из потрескавшихся губ.

– Чем же оно плохое? – Гуфи флегматично поправил очки. Этот жест уже наверняка вошел у него в привычку, и я был уверен, что, если отпала бы надобность в ношении очков, он все равно бы теребил до кровавых мозолей свою переносицу.

– Поворачивайте обратно. – Голос гадалки стал тише и напоминал хруст сминаемой бумаги.

– Еще чего! Какое вам дело?! – возбужденно крикнула с камня Диана.

Как я ее хотел в ту минуту!

– Конечно, конечно, – холодно улыбнулся Вит. – Сейчас мы возьмем наши сумки и пешочком прогуляемся обратно в Новороссийск. Сто с лишним километров, но это пустяки. Свежий воздух, природа и прочее...

– Ну, долго мы еще тут околачиваться будем? – Ирина стала надевать рюкзак.

– Это *плохое* место! – Голос цыганки задрожал.

– Виталик, Дима, пусть эта старуха заткнется! – воскликнула Ди.

– Все, хватит с меня этого дерьма! – Дэн решительно затопал вниз.

Игорь растерянно переводил взгляд с цыганки на удаляющегося Дэна, потом последовал за ним.

– Это чертовски напоминает историю с ведьмой из Блэр! – ворчал Дэн. – «Плохое место»! Разве не видно, что мы сами плохие мальчики и девочки? Как в том анекдоте – приходит к гадалке женщина и спрашивает: «Я была у вас три года назад, и вы предсказали мне, что у меня будет муж и четверо детей». Гадалка: «Ну и что?» Женщина: «Как что? Дети у меня появились, теперь я хочу знать, когда появится муж...» – слышался голос Дэна.

Старая цыганка неподвижно стояла, сцепив перед собой сухие морщинистые руки. Ветер сорвал с ее головы платок и стал яростно трепать длинные седые космы, губы беззвучно шевелились.

* * *

Катером управлял крепко сбитый мужик лет пятидесяти с кустистой рыжей бородой, в котором чувствовалась большая скрытая сила. «Константин», – хмуро представился он, протянув руку. Его широкая ладонь напоминала по своей твердости обожженное в огне дерево.

С лица Константина не сходило мрачное выражение, словно он открыл холодильник и обнаружил, что все его бутылки с пивом полопались от мороза.

Наш «Титаник» быстро набирал скорость, берег остался далеко позади. За несущимся катером оставался бурлящий пенный след, постепенно превращающийся в небольшие волны, которые вскоре сливались с морской гладью. Высоко в безоблачном небе раздавались пронзительные крики чаек, временами одна из них камнем падала на воду и тут же поднималась, пытаясь удержать в клюве трепыхавшуюся рыбу, рассеивающую брызги воды, похожие в лучах заходящего солнца на крохотные жемчужины.

– Денис, там, наверху... Ты упомянул ведьму из Блэр. Это что, байка какая-нибудь? – спросил Гуфи.

– А ты не знаешь? Эх ты, темнота! «Ведьма из Блэр, курсовая с того света» – так называется фильм про трех американских придурков. – Дэн усадил Зину себе на плечо. – В общем, они забрели в непроходимые леса Англии в поисках легендарной ведьмы, о которой судачили все местные жители. По дороге они снимали на камеру свои идиотские похождения, потеряли карту и остались без еды. Короче, потом все они пропали, а потом нашли их видеокамеру. В общем, ведьма их перемочила. Вот так.

– Браво, – я хлопнул в ладоши. – Коротко и ясно.

Ольга задумчиво смотрела на море, изредка шурясь. Ее лицо выражало легкое беспокойство.

– Ты чего такая пасмурная? – Мне было неловко оттого, что она все время робко жметя к Диане, тогда как Ольга интересуется Диану в последнюю очередь.

– Я все думаю над словами цыганки. Что она имела в виду? – Девушка несмело взглянула на меня своими блестящими перламутровыми глазами, и я невольно залюбовался ее милым лицом.

– А, забудь об этом. Они всегда жили враньем.

– Ты знаешь... – Ольга тщательно подбирала слова. – Этих людей на протяжении многих столетий подвергали постоянным унижениям и гонениям. Может быть, это оттого, что в них есть что-то от бога?

– Частичка бога есть в каждом из нас, даже в самом закоренелом преступнике, – с важным видом сказал я.

Ольга, соглашаясь, кивнула, и ее темно-русовая челка забавно растрепалась. Она напоминала серьезную школьницу, которая отчаянно пытается вспомнить правильный ответ.

– И все-таки... Я понимаю, это звучит глупо... Но после ее слов я вспомнила сказку «Доктор Айболит». Помнишь? «Не ходите, дети, в Африку гулять...» – Она рассмеялась.

Неожиданно теменную часть головы пронзила острая вспышка боли. Очевидно, это отразилось на моем лице, потому что Ольга встревоженно спросила:

– Дима, ты нормально себя чувствуешь?

– Ага, – слабо улыбнулся я. – Просто укачало, наверное.

Ответ вроде бы удовлетворил девушку, а я изо всех сил старался не показывать, что испытывал самые настоящие муки. И я знал, что дело не в морской болезни.

В одиннадцать лет я отдыхал с матерью и отцом (царство ему небесное!) в деревне у своей бабки. Одно из развлечений в то время у нас было – воровать из соседских садов яблоки. Как-то раз, сидя на самой верхушке яблони, я не услышал, как к дереву вплотную подошел Яша Хромой (в Афгане ему осколком разнесло коленную чашечку) и рывкнул, что, если я сию же секунду не спущусь, он отстрелит мне яйца. Перспектива остаться кастрированным в одиннадцать лет не вызвала у меня особого восторга, и я начал торопливо слезать. Одна из веток оказалась слишком тонкой и сухой... Операция длилась четыре часа, и результатом ее стало вживление чужеродного материала в мою голову в виде маленькой металлической пластиночки.

(Ха, хорошо, что не вживили болтик, как в том анекдоте!)

До поры до времени я чувствовал себя превосходно. Пока не попал в аварию на своем мотоцикле. Мы с Ди были на дне рождения, в ходе которого поругались с ней по какому-то пустячному поводу (я давно заметил, что все наши ссоры начинались из-за ерунды), и я, обиженный на весь белый свет, уехал с праздника. Естественно, на мотоцикле, и естественно, «слегка» нетрезвый. Как я влетел в будку таксофона, я уже не помнил. В результате – двойной перелом ноги, ключицы, три сломанных ребра, и это не считая вывихов, куча порезов. Но самое главное – моя пластинка от мощного удара вылетела из черепа, как пробка из бутылки, и врачи долго колдовали над моим бедным котелком, прежде чем он начал варить должным образом.

Потом начались боли. Они появлялись неожиданно, накатывались тяжелой разрушающей волной, сметали все ощущения реального мира, оставляя только кипящий свинец в черепной коробке, который прожигал мозг. Странно, я ощущал каждой клеткой своего тела эту боль, но по невероятным причинам она в то же время была волнующе-приятной, и я даже... ждал наступления этих болей.

Потом у меня начались припадки. Незнакомые ощущения, словно некто (твой забытый друг?) из потустороннего мира, сияющего голубой дымкой, мягко берет тебя за руку, когда ты спишь в теплой кровати, и ты переносишься с ним сквозь время и пространство, сквозь вечность, не ощущая своего физического тела, и тебе кажется, что можно долететь даже до Солнца. Каждая пора кожи впитывала в себя излучения прохладного мерцания, иногда я слышал чьи-то голоса, иногда тихую успокаивающую музыку.

Больше всего меня пугало, что в такие моменты память наотрез отказывалась воспроизводить в мозгу происшедшие со мной события.

(«Довольно редкая форма сомнамбулизма, – вежливо откашлялся сухощавый доктор, – молодой человек, к сожалению, я даже затрудняюсь поставить вам конкретный диагноз...»)

Сколько по времени продолжалось подобное состояние лунатизма, знает один господь. По словам моих друзей и знакомых, это могла быть и одна минута, и полчаса. Врач выписал мне кое-какие лекарства и назначил процедуры, однако заметного улучшения я не увидел. Больше всего меня убивал страх в глазах Ди, которая пару раз имела неосторожность присутствовать при *этом*. Подробностей я не знаю, но после очередного припадка у меня оказалась серьезно порезана рука. Диана утверждает, что я хотел помочь ей на кухне по хозяйству, и нож нечаянно соскочил...

Не могу сказать, что *это* происходило регулярно, но в последнее время приступы участились.

* * *

Катер сбавил скорость и вскоре вовсе остановился, медленно покачиваясь на волнах.

– Все, ребяташки, аллес! – Константин заглушил двигатель и достал из нагрудного кармана рубашки замусоленную пачку «Беломора».

– Фу, наконец-то, – выдохнула Ди, приподнимаясь.

– А что, пристани здесь нет? – недовольно спросил Дэн, вертя головой по сторонам.

– Ты что, смеешься? Какая пристань в Красной Щели? – Константин зажег папиросу. – Может, еще оркестр с салютом закажешь?

Нам пришлось разуться, чтобы выйти на берег.

Видя, что Ольга в нерешительности топчется у борта, я протянул ей руку. После некоторого замешательства она протянула мне рюкзак, после чего я помог ей спуститься. Константин взял у меня деньги все с той же мрачной миной, словно деньги были вымазаны навозом.

– Привет Климу. Скажите, я бы с радостью, – (ха-ха, с радостью, с таким лицом только на похороны лучших друзей ходить!) – выпил бы с ним пива, но меня ждут дела.

– Через пять дней в это же время мы вас ждем, – сказал Вит, ловко соскочив с лодки.

Мотор затарахтел, и мы проводили взглядом посудину. Выйдя на берег, все почувствовали, как устали. Вместе с тем сердца учащенно забились – мы приехали!

Берег был каменистый – от мелких камешков размером чуть больше горошины вплоть до огромных покатых валунов; метрах в сорока от прибрежной полосы начинались густые заросли, напоминающие непроходимые джунгли. Пока мы обувались, раздался заливиный лай. Вит повернул голову в ту сторону и сказал:

– Вот и Клим.

Через секунду из-за деревьев показался мужчина лет сорока, невысокого роста, плотного телосложения, загорелый до черноты, с аккуратной подстриженной бородой. На нем были выгоревшие на солнце камуфляжные брюки, запыленные военные ботинки, белая майка, которая трещала по швам на мощном торсе с выпуклыми грудными мышцами, на голове повязан черный выцветший платок. На широком кожаном поясе покачивался тяжелый нож, и я впился в него глазами. Ножи всегда были моей слабостью, и я не стеснялся говорить, что настоящего мужчину оружие вообще (а холодное в особенности) возбуждает сильнее, чем обнаженная женщина.

Лицо его было грубоватым, но глаза излучали тепло и доброту. Впереди него бежала, виляя хвостом, крупная черная овчарка, издавала больше смахивающая на волка.

Не спеша подойдя мягкой пружинистой походкой к нашей компании, он увидел Вита и улыбнулся:

– А ты повзрослел.

– Ваш пес тоже вырос. Когда я был у вас в последний раз, Ральф был щенком, – промолвил Виталий.

Они обнялись.

Ральф настороженно следил за нами, прижав уши, но вскоре расслабился и даже позволил себя погладить. Виталий представил всех нас Климу (тот сразу потребовал, чтобы его называли на «ты»), после чего тот предложил следовать за ним. Увидев, как корячится Ольга с рюкзаком и этими дурацкими пакетами, что она вынесла из магазина в Соловках, я молча забрал у нее и то и другое. В пакетах звякнуло. Я заглянул в них. Так оно и есть! Ну Дэн, ну молодчина! В каждом из пакетов уютно устроились по четыре бутылки водки.

– Послушай, Денис, с какой целью ты приехал сюда, не мог бы объяснить?

Дэн непонимающе посмотрел на меня, затем перевел взор на пакет и ухмыльнулся:

– Так, на всякий случай. Случаи же разные бывают, верно ведь, Димусь? Например, можно делать водочные клизмы, ты как?

– Может, тебе прямо здесь пару-другую усосать, чтобы Оле легче нести было?

Дэн сверкнул глазами, затем лицо его вновь приняло дурашливо-издевательское выражение.

– Не гунди, а то мочевой пузырь лопнет.

– Хочешь в чердак получить?

– Всенепременно и только от тебя, мой зайка.

– Ребята, перестаньте! – Ольга растерянно слушала эту словесную перепалку. Конечно, откуда ей знать, что такими фразами с Дэном мы обмениваемся постоянно, и никакого смысла, а тем более последствий они за собой не несут.

Диана равнодушно передала Виту свои вещи (наверное, одной косметики и всяких фенов килограммов на десять будет!) и пошла вслед за Климом. Впереди слышалось веселое тьяканье Ральфа.

Темнело.

ЧАСТЬ II

«Болото – избыточно увлажненный участок земной поверхности, заросший влаголюбивыми растениями. В болоте обычно происходит накопление неразложившихся растительных остатков и образование торфа. Располагаются в основном в Северном полушарии, общая площадь около 350 млн. гектаров».

Большой энциклопедический словарь

Из дневника Ольги Соломатиной.

15 августа, 21:02

«Вот мы и на месте. Откровенно говоря, все очень устали от этой дороги, даже больше морально, чем физически, так как все же большую часть пути мы двигались на транспорте. Молодец все-таки Виталик! Сколько сил нужно приложить, чтобы организовать это мероприятие, договориться со всеми...»

Очень благодарна Диме, он всю дорогу тащил на себе мои вещи, несмотря на то что у него были еще и свои, а также продукты. Я видела, что ему очень тяжело, но почему-то не решилась предложить помощь. В конце концов, мужчина он или нет?

Местность тут очень отличается от подмосковной. Ближе к воде лес невысокий, редкий, кустарники больше похожи на колючки, которые растут в пустыне, деревья низкорослые и какие-то скукоженные, будто боятся расти выше, пугаясь солнечных лучей.

Метрах в трехстах от того места, где мы высадились, в лесной чаще находятся два хозблока, грубо сколоченные из неотесанных и наспех выкрашенных бревен. Тут мы и будем жить. Внутри оказалось довольно уютно: два больших окна, несколько небрежно сложенных топчанов с соломой и даже что-то наподобие тумбочки. Ребята принесли из соседнего корпуса еще два топчана. Интересно, мы будем спать в одном доме? Первый вечер мы провели без света, но Клим обещал на следующий провести нам электричество (у него в сарае есть генератор).

Мы с Ирой сразу стали хозяйничать, соорудили из веток веники, подмели пол, протерли окна, смахнули паутину и занялись приготовлением ужина. Дмитрий вызвался нам помочь, и я предложила ему почистить картошку. Виталий по просьбе Дианы закрепил на стенке зеркало, и она принялась расчесывать волосы, после чего достала косметику и начала наводить макияж. Все сильно вымотались, чтобы просить ее о какой-либо помощи, поэтому оставили Диану в покое.

Клим дал нам два больших ведра и канистру для воды, после чего пошел показывать ребятам родник. Вода здесь такая необыкновенная! Конечно, возникнут некоторые проблемы с тем, чтобы помыться, но Климентий нас успокоил, сообщив, что у него для нас (девушек) есть небольшой таз, в

котором мы можем кипятить воду. А ребята, сказал он, могут вообще в море мыться. Дэн наморщил нос и заявил, что за те десять дней, которые мы будем здесь находиться, испачкаться весьма проблематично, и вообще, то, что меньше пяти сантиметров, – не грязь, а то, что больше, – отвалится само. В разговор тут же вклинился Дима. «Моются только те, кому лень чесаться», – сказал он.

Пищу мы будем готовить на огне – справа от нашего домика сооружено кострище, где есть большой противень и даже самодельный мангал. Кастрюли и прочие кухонные принадлежности взяли с собой мальчики.

Ужинали мы вместе с Климом, он угостил ребят вяленым мясом кабана и самогоном, который он сам настаивал на орехах. Денис приготовил шашлык – у него отлично получилось. Вообще, Дэн неплохой парень, по всему видно, но эти его специфические шуточки на пару со Строповым уже у всех в печенках сидят. Потом Клим предложил нам чаю из можжевельника. Всем нам очень понравилось, такого ароматного чая мне никогда не доводилось пробовать!

На меня Клим произвел хорошее впечатление – спокойный, сдержанный, сильный мужчина. Странно только, что он живет здесь один.

После ужина он показал нам свое жилище: его домик находится метрах в пятидесяти от наших, дальше в сторону гор. Домик очень маленький, но уютный. Кровать, стол, небольшой шкаф и два рассохшихся от времени стула – вот и вся обстановка. На подоконнике стояло радио, но, как пояснил Клим, оно уже давно не работает.

«Да и ни к чему мне оно», сказал он. На стенах висели чучела – головы волка и здорового кабана. Мне стало жутко, когда я увидела длинные изогнутые клыки и маленькие, налитые кровью глазки, которые будто все время наблюдали за нами, пока мы рассматривали хижину.

На стенке также висело ружье с длинным стволом. Дима не отрываясь глядел на него, после чего они долго разговаривали с Климом про охоту.

Все не могу понять, как может жить человек в таких условиях – ни холодильника, ни душа, ни туалета?! Робинзон Крузо какой-то!

Завтра он обещал показать нам окрестности».

* * *

Два дня пролетели, как мгновение. Мы неплохо обосновались в домиках, которые, как рассказывал Вит, построили барды. После некоторых споров решили ночевать следующим образом – спать всем вместе, а кому захочется интимных отношений – идут во второй корпус, где еще остались две кровати. Я не удивился, когда в первый же день в «домик любви» – так назвал его Дэн – отправились спать Вит с Ди. Что касается Дениса, то ему в тот вечер было не до выполнения супружеского долга – напившись в стельку, он уснул прямо возле костра, и мы с Климом перетащили его в дом.

Днем дверь не запиралась, а на ночь мы закрывали ее на щеколду, которую я поставил в тот же вечер (Клим помог с инструментами). Девчонки закрепили над проходом в дом марлю. «Это от мух и комаров», – пояснила Ирина, деловито развешивая ее на шляпках гвоздей.

Дэн сразу соорудил своей любимице уютное лукошко из картонной коробки, набив его ватой и тряпками. Правда, ночью Зина иногда развивала активную деятельность, шурша в своем жилище и дико напрягая этим Диану. После ее замечания в адрес Дэна парень предло-

жил ей закладывать в уши вату, дабы не слышать шороха Зины и, таким образом, спать спокойно.

С комарами проблем не было, так как мы находились рядом с морем. Но стоило нам как-то отойти глубже в лес, как они черной тучей облепляли все доступные их смертоносным жалам части тела.

Климентий также помог провести нам в жилище свет. Кроме того, на всякий случай у нас была керосиновая лампа, а также два фонаря с кучей батареек.

Что касается окружавшей нас природы, то у меня не находилось слов, чтобы описать необычайную, божественную красоту этого глухого местечка. Зачастую меня охватывало ощущение, что мы попали в какой-нибудь девонский период. Опровержением этого служило разве что отсутствие динозавров и летающих ящеров. Мир, в который мы попали волею судьбы, словно миллионы лет был накрыт хрустальным куполом и сохранился в своем первозданном виде, не подвергаясь тем печальным экологическим изменениям, которые не миновали практически все уголки нашей планеты. Тут росли целые рощи реликтовых деревьев, исчезающий вид кевоных деревьев (их еще называют лжефисташкой), карагач, пицундская сосна, карликовые березы... Про животный мир я вообще молчу – прямо рядом с нашими домиками ползали громадные черепахи, два раза в лесу я видел рысь, Дэн наткнулся на зайца. Клим рассказывал, что здесь также водятся лисы, лоси, енот-полоскун, косули, олени и... змеи. Много змей. Из них наиболее опасная – кавказская гадюка. Отличить ее от ужей, в огромном количестве ползающих в округе, просто – по отсутствию желтых пятен по бокам головы и особой форме глаз. Водятся здесь и полозы, но они неядовиты.

На второй вечер Вит с Дэном подшутили над Ольгой. Заранее положив под ее простыню поперек кровати веревку, так чтобы она находилась на уровне поясицы, Вит стал рассказывать про местных змей. Одна из них, устрашающим шепотом вещал он, особенно ядовита и любит заползать в постель к спящим туристам. После этих слов Дэн потянул за веревку, и в следующий миг Ольга завизжала как резаная. Откровенно говоря, эти шутки лучше проделывать с мужчинами, и если бы я был в курсе намечающегося сюрприза, то постарался бы предотвратить его. После этого у меня был серьезный разговор с Дэном, тот клялся и божился, что идея принадлежала Виту. Тот только пожал плечами, но я чувствовал, что с Виталием у меня еще предстоит беседа и вряд ли она будет приятной для нас обоих.

У Игоря с Ольгой ничего не получалось, да и никто из них особенно не стремился к близкому знакомству. Игорь брал с собой на пляж несколько книг по работе с компьютерами, устраивался в тени и, нахлобучив панаму, погружался в чтение. Учиться плавать, как его ни уговаривала Ирина, он так и не хотел. Правда, пару раз он все-таки побарахтался возле самого берега, но тут же наглотался морской воды и как ошпаренный, с выпученными глазами выскочил на берег, отплеываясь и кашляя.

Погода эти дни стояла ясная, на небе ни единого облачка. Диана в первый день сильно обгорела и весь вечер в нелепой позе лежала в гамаке и канючила, капризно понукая Вита (Виталик, подуй мне на спину, нет, смажь мне ее чем-нибудь, принеси мне соку, мне душно, нет, не трогай меня, у меня все болит...), охая и ахая при этом.

На пляже все украдкой разглядывали друг друга, сравнивая себя с другими и исподтишка выискивая чужие недостатки: кто остался в форме, кто из ребят располнел; девчонки придиричиво осматривали свои фигуры – у всех троих они оказались стройными и привлекательными.

Гуфи, сняв рубашку с длинным рукавом, продемонстрировал присутствующим намечающееся брюшко, после чего, нелепо потоптавшись, надел ее обратно и ушел со своими книжками в тень.

Клим тоже как-то раз составил нам компанию на пляже, приведя наших девчонок в восторг своим крепким поджарым телом. Заметив, что я разглядываю на его левом бедре длинный уродливый шрам, он коротко бросил – кабан.

Готовили в основном Ира с Ольгой, причем последняя проявила незаурядные способности в кулинарном искусстве, поразив даже Дэна – он всегда гордился, что в приготовлении пищи с его Ириной никто не сравнится. Наша же несравненная «королева бензоколонки» Дианочка, вероятно, считала ниже своего достоинства заниматься «какой-то там стряпней» и все свободное время уделяла своей неотразимой внешности. Она каждые полчаса чистила ногти, каждые два часа обрабатывала их пилочкой, так что они все больше становились похожими на хирургические инструменты, два раза в день делала себе на лице различные маски, причем количества нанесенного на ее личико крема с лихвой хватило бы на то, чтобы равномерно размазать его по футбольному полю... После обеда она обычно слушала плеер и листала какие-то женские журналы, театрально вздыхая и поправляя прическу.

Мы с Денисом пару раз рыбачили, он захватил с собой отцовское подводное ружье. Шикарная, дорогая вещь. После нескольких тренировочных выстрелов в воде я смог подстрелить четырех ершей-скорпен и двух кефалей, Дэн подбил одного бычка и зеленуху. В итоге Дэн, охотясь (я в это время плескался неподалеку), очевидно, приняв меня за акулу, чуть не проделал мне стрелой в заднице вторую дырку. На этом подводную охоту было решено прекратить. В тот же вечер Ольга с Ириной приготовили восхитительную уху.

* * *

Сегодня утром я снова поругался с Ди. Не хочу подробно описывать эту дешевую сцену, но вкратце суть ее сводилась к следующему – Ди официально сообщила мне, что между нами все кончено, а я, вместо того чтобы с подобающим достоинством принять это известие, начал валять дурака, чем привел ее в бешенство и даже чуть не схлопотал пощечину. В общем, все точки над «i» были расставлены, и, признаться, я даже был рад этому.

После выяснения отношений с Ди я захотел искупаться и решил сделать это в одиночестве. Я направился на западную часть пляжа, к скале, которую про себя окрестил «Индеец» из-за ее верхушки, которая смахивала на изрытый морщинами профиль старого индейского вождя.

У самого подножья скалы в хаотичном порядке нагромождены камни, некоторые из них были наполовину скрыты под водой. Обычно на крупных камнях растут мидии, и я решил попытать счастья, благо подводная маска с дыхательной трубкой у меня была с собой, да и волн на море не было.

Вода была настолько прозрачной, что с поверхности воды дно просматривалось в глубину на четыре-пять метров. Перед глазами, важно выпятив брюшко, неторопливо проплыл песочного цвета морской конек. Справа от меня медленно покачивалась громадная медуза размером с корыто, ее щупальца плавно колыхались в такт движению подводных потоков, а полукруглый купол напоминал настольную лампу с затейливым абажуром бледно-фиолетового цвета.

Подплыв к поросшим спутанными водорослями камням, я не поверил своим глазам. Тяжелыми гирляндами мидии висели одна на другой, словно гроздь спелого винограда в разгар сезона, а размеры! Таких экземпляров до этого мне никогда не приходилось встречать – средняя мидия была размером с мужскую ладонь, в то время как обычный стандарт моллюска – вдвое меньше.

Развернув целлофановый пакет, я стал осторожно, чтобы не порезаться об острые края раковин, отрывать их от заросшего водорослями камня. Из глубокой расщелины медленно выполз большой краб и вопросительно уставился на меня своими вращающимися глазами на стебельках. С минуту мы пристально изучали друг друга, после чего он, вероятно сочтя меня не заслуживающим более внимания объектом, смерил презрительным взглядом и степенно прошествовал обратно в расщелину.

Через час я, покрытый гусиной кожей и дрожащий от холода, выбрался на берег и, к великому удивлению, увидел сидевшую на камне возле моих вещей Ольгу.

– Ты что, одна?

Оля кивнула.

– А где все? – вытряхивая воду из ушей, спросил я.

– В лагере. – Она с интересом смотрела на пакет. Одна ляжка ее купальника съехала с плеча, обнажая участок незагорелой кожи нежно-розового цвета, гордо торчащий сосок так и норовил вырваться наружу, словно говоря: «Давай, еще чуть-чуть, поднажми!» – А что там у тебя?

– Придем домой – увидишь.

Поймав мой взгляд, она смутилась и торопливо поправила купальник.

– Дима... – сказала она и вдруг смутилась еще больше.

– Чего?

– Извини, что я вмешиваюсь, но... вы что, поругались с Дианой?

Я усмехнулся про себя.

– С чего это ты решила?

– Я слышала ее разговор с Виталием. И еще она очень уговаривала его уехать отсюда.

– Не бери в голову, все нормально. Лучше наслаждайся отдыхом, когда еще будет возможность так оторваться!

У самого лагеря Ольга робко дотронулась до моей руки, и я сам по себе потянулся к ней и обнял за талию. Я почувствовал, как ее тело вздрогнуло, и она крепко сжала мою руку своей маленькой ладошкой.

Когда мы пришли в лагерь, Дэн разжигал костер, а все остальные ребята столпились возле Игоря, который с растерянным видом ковырялся в ухе, держа в другой руке книжку.

– Гуфи в ухо заполз какой-то жук, наверное, гигантский скорпион, – сообщил мне Дэн, раздувая огонь.

– Как это случилось?

– Он заснул на пляже, а когда мы его разбудили, чтобы уходить, стал жаловаться на боли, – встревоженно сказала Ира.

– Да вытащи ты руку, у тебя сейчас из другого уха палец вылезет! – крикнул я Гуфи.

Тот беспомощно смотрел на меня, но руку убрал.

Я подошел поближе.

– Мы ему и палкой ковыряли, и голову трясли, а Дэн даже водой плеснул, и никакого толку, – произнес Вит.

– Вы бы еще ему электролит залили, – проворчал я, осматривая ухо Игоря. Затем подошел к Виту: – Угости сигаретой.

– Ты что, начал курить? – недоуменно спросил он.

– Ага. Сегодня.

Прикурив от обугливающейся палки, я осторожно затянулся (последний раз я курил шесть лет назад) и, резко схватив Игоря за шею, притянул к себе и вдохнул в его ухо дым. Не успев ничего понять, он отшатнулся, чуть не упав при этом. Вдруг он затряс головой:

– Ползет, ползет, ловите его!

Что-то черное, похожее на таракана, выкарабкалось из уха Гуфи и шлепнулось в траву. Игорь, словно неуклюжий медвежонок, принялся в неистовстве топтать траву.

* * *

Климентий появился под вечер, уставший, но довольный. За плечом у него покачивалась освежеванная тушка молодого кабанчика. Ральф, приюхиваясь, шел рядом.

Дэн взялся помогать Климу разделявать мясо, я занялся приготовлением мидий. Когда все было готово, мы разместились в беседке у домика Клима, которую он сам и срубил. Мидии получились замечательные, даже Клим, всегда сдержанный, уплетал за обе щеки.

– А как ты держишь связь с берегом? – поинтересовался у него Вит, разливая по металлическим стаканчикам водку.

– Раз в неделю сюда приезжает Константин, он привозит продукты, газеты. Иногда я сам выезжаю в город, чтобы купить патроны. Кроме того, зимой я живу в Соловках.

– А вдруг катер не приедет за нами? – спросила Диана. Она сидела, придирчиво разглядывая свои ногти. Я обратил внимание, что к мидиям она даже не притронулась. – У вас есть своя лодка?

– Да, конечно, но сейчас она находится в Соловках, нужен ремонт двигателя. Катер еще хороший, но ухода за собой требует. Константин обещал к концу недели все сделать.

– У вас так красиво, – мечтательно произнесла Ольга, накладывая себе еще мидий. – Только... неужели вам не скучно здесь одному?

– Во-первых, я просил вас называть меня на «ты», а во-вторых, у меня есть Ральф.

Ральф, услышав свое имя, резко поднял голову и выжидательно посмотрел на хозяина.

– Поверь, красавица, здесь намного лучше жить, чем в больших душных городах, где зачастую критерием оценки твоей личности являются не внутренние качества, а материальные блага, – добавил Клим.

– Я бы поспорил на эту тему. Судить таким образом обо всех людях, живущих в городах, мягко говоря, некорректно, – встрял в разговор Игорь. Он так и не нашел насекомое, заползшее ему в ухо, и время от времени тер его, отчего оно стало похоже на вареник, только красного цвета.

– Спорить с тобой я не буду. Давайте лучше взглянем, готово ли мясо.

Ольга вскочила:

– Давайте я вам помогу.

Через несколько минут на столе дымилась большая деревянная миска, больше смахивающая на добротный тазик, с аппетитно пахнущими крупно нарезанными ломтями мяса, покрытыми нежной хрустящей корочкой. Я слотнул слюну.

– Так, господа, попрошу приготовить бокалы! – Дэн принялся разливать оставшуюся в бутылке водку и достал следующую.

– Денис, может, на сегодня хватит? – недовольно спросила Ира.

– Нет, не хватит. Хватит, не хватит – какая разница, лишь бы ты хорошо училась. – С этими словами он отрезал кусочек мяса и протянул его Зине, восседавшей на его плече. Та немедленно схватила его своими цепкими лапками и, обвив вокруг себя хвостик, начала есть.

Ира вздохнула. Мне стало жаль ее. Интересно, на сколько ее хватит терпеть этот идиотизм? В один прекрасный день она уйдет, а Денис останется один на один со своей крысой и бутылками.

Климентий достал свой нож и стал резать мясо. Из разломов потянулись пахучие струйки горячего пара, от которых рот тут же наполнился вязкой слюной. Мясо было просто великолепным, ничего подобного в своей жизни я не пробовал – оно таяло во рту. Ральф пристроился у ног хозяина, положив голову на лапы и сонно вглядываясь в лесную чащу.

– Клим, а можно задать тебе нескромный вопрос? – Диана кокетливым жестом поправила волосы.

– Находясь в обществе такой шикарной женщины, я готов ответить на любые вопросы! – широко улыбнулся Клим.

– Сколько тебе лет? – Ди томно улыбнулась.

– А на сколько я выгляжу?

– Я бы сказала, что тебе не больше сорока лет.

– Значит, жизнь на природе пошла мне на пользу. Мне пятьдесят один год.

У всех сидящих за столом округлились глаза, а Гуфи даже снял очки, будто без них он мог точнее определить возраст Климентия.

– Да, годы обошлись с вами благосклонно, – протянул он.

Начало смеркаться.

Внезапно протяжный вой, ледящий кровь, пронзил тишину, ему вторил другой, более высокий. Ральф моментально вскинул голову, и верхняя губа задралась, обнажив влажные клыки, изо рта вырвалось глухое ворчание. Диана вздрогнула, непроизвольно придвинувшись к Виту, Ольга испуганно спросила:

– Кто это, Клим? Волки?

– Не бойтесь, это шакалы. Вас они не тронут. – Климентий с невозмутимым видом разгрызал кость.

Ольга поежилась, мельком взглянув на меня.

Застрекотали сверчки, в темноте замелькали крошечные фосфоресцирующие огоньки. Это проснулись светлячки. Таинственно переливаясь мягким зеленоватым светом, они были похожи на далекие звезды.

– Ничего себе местечко, – боязливо передернула плечами Диана.

– Молодежь, чтобы у ваших детей были хорошие родители! – С этими словами Клим опрокинул в себя стопку водки.

Обжигаясь горячим соком, струившимся из-под румяной корочки, мы с Дэном жадно глотали мясо, выбирая куски покрупней. Я поймал на себе скептический взгляд Ди и с набитым ртом улыбнулся ей в ответ.

– Клим, скажи, а есть какие-либо легенды, связанные с этим местом? Здесь так все необычно, что какая-нибудь история точно должна быть. – Вит подцепил вилкой кусок мяса и стал усердно его жевать.

– Да, в свое время рассказывали одну байку. Так, однажды один юноша и красивая девушка взобрались на вершину во-он той горы. – Клим протянул в ее направлении нож. Наступила пауза.

– И что же было дальше? – нетерпеливо спросила Ди. Она соизволила взять себе немного мяса и теперь, аккуратно держа его большим и указательным пальцем, осторожно откусывала по маленькому кусочку.

– Дальше? – Клим хитро улыбнулся. – А дальше ничего. Очевидно, они спустились с другой стороны горы...

Дэн засмеялся, но, поперхнувшись, зашелся кашлем.

– Но шутки шутками, а вот находки здесь и впрямь интересные. Подождите.

Клим поднялся из-за стола и направился в дом. Вит стал разливать водку.

– Я пропущу, – сказал я.

– Вот и чудненько, нам больше достанется. Как говорится, *in vino veritas*,³ правда, Гуфи? – Дэн поднял рюмку. Язык его стал уже заплетаться, лицо покраснелось.

– Точно. – Игорь, казалось, не обратил внимания, что его назвали «Гуфи», и тоже поднял рюмку. Все удивленно смотрели на него – никто не ожидал, что он будет пить в таком количестве.

³ Истина в вине (лат.).

Вернулся Клим, неся что-то. Сгрудившись над ним, мы увидели в его руках четыре маленьких камешка, тускло поблескивающих в сгущающихся сумерках: три размером с виноградину, и один – с грецкий орех.

– Золото! – восхищенно выдохнул Гуфи.

– Что, правда? – Ди недоверчиво смотрела на невзрачные с виду камешки.

– Нет, это козий помет, – съязвил Дэн, однако лицо его выражало крайнее изумление.

– Эти слитки я нашел в ручье, откуда вы берете воду, выше, в горах.

– Провокационный металл, и совсем не благородный, – небрежно бросил Вит, словно он находил золотые слитки каждый божий день, – все войны и проблемы человечества из-за него.

Дэн насмешливо посмотрел на него.

– Ты затрагиваешь очень глобальную тему, Вит. Может, не будем дискутировать в такой очаровательный вечер?

Вит промолчал.

Когда Клим отнес камни в дом и вернулся, я окликнул его:

– Разреши взглянуть на твой нож.

– Интересуешься?

– Немного.

Клим неторопливо расстегнул ножны из толстой дубленой кожи и протянул мне нож. Я успел заметить промелькнувшее у него в глазах снисходительное выражение.

Я сразу ощутил его приятную тяжесть. Нож был небольшой, очень удобный – отполированная от долгого употребления рукоять сама легла в ладонь, – лезвие широкое, два кровостока, ребро жесткости, все как положено. Я слегка повертел его между пальцами. Клим, который до этого не спеша набивал табаком трубку, с одобрением посмотрел на меня.

– Метать умеешь?

– Попробовать можно.

Клим встал из-за стола:

– Пошли.

Метать ножи меня научил друг отца дядя Гоша еще пять лет назад, и без лишней скромности скажу, что кое-чего в этой области я достиг.

В то время мы были в Кемеровской области у родственников отца, и я сильно страдал от безделья, поскольку моих сверстников в той глухой местности не было, а слушать по сто раз пересказанные пьяные истории про убитых на охоте оленей и лосей надоело до смерти. Облавив все окрестности, я слонялся в одиночестве по поселку. Тогда-то Георгий и обратил на меня внимание и, показав мне свой нож, предложил обучить кое-каким фокусам, в том числе метать ножи. И хотя прошло много времени, но я как сейчас помню этот нож – восьмисантиметровое хромированное (в него можно было смотреться как в зеркало) узкое лезвие с хищно скошенным на конце острием, три глубоких кровостока, пила у основания. Нож был острее скальпеля, но больше всего мне нравилась рукоятка – высушенное и обработанное козье копыто, а выше белоснежная шерсть. Меня всегда тянуло потрогать густой мех рукоятки, не говоря уже о том, чтобы рискнуть его бросить в дерево. Однако в качестве тренировочного ножа Георгий дал мне другой нож – попроще и не такой изящный, но зато тяжелый и острый. И хотя дядя Гоша редко бывал трезвым, рука его всегда была твердой, и он никогда не промахивался. От нечего делать я решил попробовать, затем втянулся и на протяжении полутора месяцев только и занимался тем, что швырял ножи в различные мишени. Вечерами рука адски болела, плечо нестерпимо ныло, но я продолжал заниматься, делая по две тысячи бросков в день.

С сомнением повертев нож в руках, я решил, что вполне смогу попасть им в дерево. Правда, неплохо было бы сначала сделать несколько пробных бросков...

Клим поднялся и сказал, чтобы я шел за ним. Заинтересованные ребята пошли с нами, за столом остались только Диана с Витом.

Метрах в десяти от беседки росла высоченная сосна, и Клим направился к ней. Примерно на уровне полутора метров от земли к дереву проволокой был прикручен срез деревянного бруска размером с тарелку и толщиной в два кулака.

– Попадешь в дерево? – Клим глубоко затынулся.

– Если я правильно понял, мишенью является вон тот брусок? – Я подкинул в руке нож.

Клим молча смотрел на меня, дымя трубкой, глаза его говорили: «Попробуй хоть попасть в само дерево, не говоря уж о том, чтобы нож воткнулся...»

Измерив на глаз расстояние до сосны и глубоко вздохнув, я резко выкинул правую руку, мысленно направляя нож в центр бруска. Послышался гулкий стук ударившейся о дерево рукоятки, и нож упал в траву. Я чертыхнулся про себя и пошел его поднимать.

Все молчали, только Дэн что-то пробормотал. К лезвию прилипла земля, и я вытер нож о штаны. Отошел на пять шагов. Вздохнул поглубже. Согнул руку в локте.

Попадешь в дерево?

Я выбросил руку. Раздался сочный звук врывающейся в древесину отточенной стали, нож вошел немного левее центра круга.

Климентийс уважением посмотрел на меня. Подошел к сосне. Просунув за проволоку, закрепляющую брусок, пустую сигаретную пачку, он повернулся ко мне.

– А так?

– Димон и яйца комару на лету собьет, – бубнил Дэн. Он уже еле держался на ногах, в руках у него, пенясь, пьяно покачивалась наполовину опорожненная бутылка с пивом.

– Можно и так.

Издалека в сгущавшихся сумерках сигаретная пачка казалась совсем крошечной, размером не больше пятака.

ВЖИ-И-ИГ!!!

– Эх ты, мазила! Хорошо, мы не делали ставки. – Дэн, пытаясь сесть на корточки, не удержался и завалился в кустарник. Судя по его гневному ворчанию, он упал в колючки иглицы.

Ирина, чертыхаясь, подошла к нему и сняла с его плеча перепуганную Зину.

Клим невозмутимо наблюдал за мной, но по его глазам было видно, что у него были большие сомнения, смогу ли я вообще попасть в сосну, не говоря уже о том, что нож воткнется.

Я вытащил нож. Он прошел сантиметров на десять выше пачки. Потом подошел к барахтающемуся Дэну и, осторожно взяв из его рук пиво, сделал несколько больших глотков. Все в молчании наблюдали за мной, только Дэн что-то убедительно доказывал Ирине.

«Расслабь руку и представь, что ты в руках держишь обыкновенный камень, а попасть нужно в большой пруд. У тебя не должно и мысли возникнуть, что ты можешь промахнуться. Ты и он – одно целое...» – говорил Георгий, со сверхъестественной быстротой вертя между пальцами нож.

Закрыв глаза, я представил себе траекторию полета ножа, как он, будто в замедленной съемке, вращаясь, вонзается в самый центр сигаретной пачки. Вдруг меня охватило внезапное чувство, что я не могу промахнуться, я просто не имею на это право, каждая мышца ощущала огромный прилив сил, кровь закипала, нервы трепетали, как вольфрамовые нити.

Неожиданно вместо пачки перед моими глазами появилось неприятно ухмыляющееся лицо старой цыганки, которую мы встретили в Соловках. Оно было каким-то... каким-то злым, совсем древним... и оно мерцало в темноте. Как призрак.

Это плохое место...

ВЖИ-И-И-И-ИГ!!!

– Ого! Где тебя этому научили, а? – Гуфи снял очки, потрясенно глядя на сосну.

Я открыл глаза. Нож рассек пачку надвое, а само лезвие вошло в брусок почти наполовину. Ольга, широко раскрыв глаза, со страхом смотрела на торчащий из дерева нож, похожий на необычной формы сучок.

Внезапно я пошатнулся – волна боли в висках окатила меня, как ведро холодной воды. Она нарастала постепенно, словно медленно выплывающая из глубины акула (крупная и очень голодная акула). Я со страхом ждал, что может последовать за этим, и, с трудом передвигая ноги, направился к канистрам с водой. Вылив на голову ковш ледяной воды, я почувствовал себя немного лучше.

Климентий вытащил нож, вытер лезвие об штанину и внимательно посмотрел на меня.

– У тебя хорошие способности. Надеюсь, нож, пущенный твоей рукой, будет поражать только неодушевленные цели.

Я вяло кивнул. Боль неторопливо уходила, словно нехотя уползающая старая, но все еще опасная рептилия, оставив внутри мерзкое чувство: предупреждающее: «Жди-я-скоро-вернись».

– Может, теперь продемонстрируешь свое мастерство? – сказал Вит, засунув большие пальцы рук за ремень. Он неслышно подошел сзади и теперь с интересом следил за происходящим.

Клим слегка улыбнулся. Подойдя к сосне, он освободил один конец проволоки на мишени и поднял ее на центр деревянного среза, закрепив с другой стороны ствола дерева. Все, замерев, следили за каждым его движением.

Неслышно ступая, Клим отошел от дерева (намного дальше, чем откуда метал нож я), двигаясь с кошачьей грацией, внезапно резко развернулся, и в воздухе что-то сверкнуло – что-то очень быстрое и неуловимое для человеческого глаза. В следующую долю секунды нож оказался торчащим глубоко в дереве, лезвие раскололо проволоку точно посередине, сам брус раскололся надвое.

Подобное не слишком удивило меня – человек, который прожил здесь около шести лет, может не только это, но на всех остальных это произвело эффект.

Боль в голове угомонилась, и я вернулся за стол. Мясо остыло, дразнящий ароматный запах пропал.

Ирина с Дэном ушли спать, Вит с Дианой курили невдалеке. Через некоторое время ушел Клим. За столом сидели нахохлившийся Игорь и Ольга. Я поймал себя на мысли, что мне все время хочется смотреть на ее лицо, в ее глубокие синие, как безоблачное небо, глаза.

Я взглянул на Ольгу:

– Вина?

– Только чуть-чуть.

Вино принес Клим, тоже собственного приготовления. В нем нет ни капли воды, сказал он, только виноградный сок. Вино и в самом деле имело необыкновенно легкий терпкий вкус и по цвету напоминало играющий в солнечных лучах рубин.

– Игорь? – Я вопросительно посмотрел на Гуфи.

– Я лучше водки выпью.

– Плохо не будет?

Игорь надул губы и замотал головой. Я пожал плечами и плеснул ему водки.

На небесной тверди заблестели первые льдинки звездочек, весело подмигивая друг другу.

Ольга сделала маленький глоточек и спросила:

– Дима, а ты живешь с родителями?

– С матерью. Отец умер. Сердце. – Я допил пиво в стакане и наполнил его заново.

Ольга растерянно заморгала глазами:

– Извини, я не знала...

– Ничего, – ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно равнодушнее.

Игорь настороженно следил за нашей скупой беседой, после чего поднял рюмку.

– За длинноногих блондинок! – чокнулся я с ним.

Ольга несмело протянула мне свой стакан, и я слегка коснулся его.

– Ты имеешь в виду Диану? – с трудом выговаривая слова, спросил Игорь.

– Ребята, мы идем спать! – крикнула Ди. В темноте, очертив полукруг, мелькнула ярко-красная точка выбрасываемого окурка.

– Нет, Гуфи, не Диану, – вздохнул я.

– Не называй меня Гуфи! – неожиданно визгливо выпалил Игорь, привстав со скамейки. – У меня есть имя, если ты еще не забыл!

Я промолчал, про себя решив никогда не называть его этой глупой кличкой.

Стало холодно, и Ольга надела свитер.

– А у меня тоже отца нет, – вдруг упавшим голосом сказал Игорь.

Мы с Ольгой озадаченно переглянулись.

– А с твоим-то что? – Я подцепил кусок свинины, ставший уже почти ледяным.

Игорь снял очки.

– Что? – усмехнулся он, и, честно говоря, мне не понравилась его усмешка. – Мой папаша мотает срок на зоне. Не знаю, может, его и в живых уже нет. Так-то.

За столом воцарилась тишина, которую нарушал лишь шелест ночных мотыльков, вьющихся у подвешенной к потолку беседки лампы, да далекий шум прибоа.

Ольга собралась что-то произнести и уже открыла рот, но я положил ей руку на колено. Она покраснела (это стало заметно даже в сумерках) и смущенно убрала мою руку.

Игорь начал плакать. Откровенно говоря, плачущий мужчина вызывает такое же отвращение, как и пьяная вдрызг женщина, поэтому я раздраженно попросил его не устраивать за столом всемирный потоп.

– Никто из вас ни хрена не понимает. – Гуфи икнул. – Никто...

– Ну-ну, хватит сопли развозить. – Я налил в рюмку еще водки и пододвинул ее к Игорю.

– Никогда никому. Я не рассказывал это... – всхлипнул Гуфи. – Не знаю, может, потому что я сейчас пьян. А может, вы просто неплохие ребята, которые стараются не подкалывать меня. – Игорь сплюнул и замолчал.

Пауза затягивалась, и я уже было подумал, что он передумал откровенничать перед нами, как вдруг Гуфи заговорил совершенно чужим голосом:

– Как думаешь, что чувствует шестилетний ребенок, когда его отец не вылезает из зоны, а мать постоянно пьет, собирая у себя дома всякую рвань?

Гуфизаерзал на лавке, словно сидел голой задницей на наждачном листе.

– Ну? – мягко произнес я.

– Ну?! – переспросил меня Гуфи, и глаза его сверкнули злобой. – Сортиры на вокзалах были в сто раз чище, чем наша квартира! Не было того алкаша в нашем районе, который не зашел бы к нам в гости! Но даже не это самое худшее. ОНИ ЕЕ ТРАХАЛИ! Трахали мою мать, да, они трахались, как какие-то кролики! – взвизгнул он. – А она только смеялась, когда они это делали, видела, что все *это происходит на моих глазах, предлагала мне тоже попробовать...*

Не веря своим ушам, я ошеломленно уставился на Игоря. Ольга тоже смотрела на него во все глаза.

Гуфитем временем задрал рукава своей рубашки, и я с ужасом увидел на его предплечье несколько бесформенных рубцов бордового цвета.

– Это было просто развлечение. А что? Что может быть смешнее, чем тушить сигареты, используя вместо пепельницы твою кожу?

Он, видимо, не ждал наших комментариев и продолжил:

– Однажды они задушили нашу кошку за то, что она сделала лужу, а кто-то из них наступил в нее. Перед этим они избili ее ногами до кровавой рвоты, а после выкинули ее в

окно, как банановую кожуру. Как ты думаешь, каково это, когда тебе нечего есть и ты идешь на улицу просить еду у соседских детей, а они в ответ смеются, обзывая тебя недоношенным ублюдком, и распевают песни, что твоя мама – тупая шлюха? Ты желаешь только одного – взять топор и зарубить всех к чертям собачьим.

Гуфи взял дрожащими руками рюмку и, одним махом выпив ее, поморщился.

– А в один прекрасный день, – лицо его приняло жесткое выражение, – она опять напилась, после чего завалилась спать прямо на полу. Потом пришли *они*. Дверь была открыта, да ее никогда и не закрывали, наша квартира, если тот свинарник можно было назвать квартирой, всегда была открыта для всех, – Игорь невидяще смотрел перед собой, – я даже не уверен, был ли у нас ключ от двери.

Игорь замолчал, по его лицу снова заструились слезы.

– *Они* делали это с ней, когда она была мертвецки пьяна, когда она спала, *делали* при мне, понимаете?! Хоть убей меня, но я не могу понять, как можно спать и храпеть, когда тебя дрючат во все мыслимые и немыслимые дыры?! А когда она проснулась, они стали требовать у нее деньги, а откуда у нас тогда были деньги? Мать перезанимала их у кого только можно...

Мы молчали. В подобных случаях человека нельзя перебивать или останавливать, иначе он снова замкнется в себе, словно улитка в своем домике, ему необходимо выдавить из себя все тяжелые воспоминания, как выдавливают застарелый гнойник. Любое сказанное слово, даже успокаивающее, будет лишним.

Ольга вздохнула.

– ...тогда *они* стали ее бить. Били долго. – Слова Игорю давались с большим трудом. – А она только мычала и звала отца, а потом меня. Вспомнила... – горько произнес он и потянулся за бутылкой.

Ольга неуверенным движением хотела ее убрать, но я мягко остановил ее.

– Я убежал в ванную и спрятался под раковиной, я кричал от страха. Крики матери доносились еще долго, но постепенно становились все тише и тише. Вскоре она затихла совсем, и я услышал чей-то смех... – Он опустил голову.

– *Они* перевернули всю квартиру, но что там можно было найти, кроме старых, никому не нужных засаленных вещей и пустых бутылок? Вскоре *они* ушли... Когда я решился выйти из ванной... – Игорь запрокинул голову и сделал глоток прямо из горлышка бутылки, – я зашел в комнату... Там везде была кровь. Очень много крови.

Игорь помолчал. Сняв очки, он теребил дужку, смотря перед собой.

– Комната была похожа на лавку мясника. Пол, диван, стены, даже потолок – все было в крови. Как будто открывали несколько бутылок шампанского, взболтав перед этим, а вместо вина там оказалась кровь. От ее лица почти ничего не осталось – они били ее сковородкой, в голове была дырка, через которую мог вылезти новорожденный, и там было что-то желтое... – Последние слова были произнесены шепотом.

Ольга крепко сжала мою руку, лицо ее побледнело. Далеко в лесу раздался протяжный вой шакала, заставивший ее вздрогнуть.

Гуфи посмотрел отстраненным взглядом в сторону воя, мигнул и продолжил:

– Я видел, что она еще дышит, тяжело, хрипло, но дышит. Из ее рта выплескивалась кровь, на подбородке – обломки зубов; теперь я знаю, что ей переломали ребра, одно из которых наверняка проткнуло легкое... Все это я помню и сейчас... Потом она затихла. Я кинулся к двери, но *они* закрыли ее снаружи, тогда я выбежал на балкон, я кричал, я звал на помощь, мне было так страшно, что я подумывал выпрыгнуть с восьмого этажа. Но никто не пришел ко мне, понимаете, никого не интересует маленький мальчик из неблагополучной семьи, у которого папаша в тюрьме, а мать – беспробудная пьяница, мальчик, для которого получать подзатыльники и зуботычины – обычное дело. Кому нужны эти проблемы? – Голос Игоря сорвался. – Опять у Гульфиков пьянка, скажут соседи и махнут рукой, услышав мои вопли.

На черном как сажа небе проступил серебряный серп месяца.

– После этого я заперся в ванной и сидел там почти два дня, я ходил в туалет в раковину и в ванну. Я задыхался от зловония, но *страх* был намного сильнее чувства брезгливости, вы понимаете это? Я вздрагивал от каждого шороха, мне казалось, что моя мать медленно поднимается с пола и, как есть, голая, шаркая ногами, медленно приближается к ванной, держа в руках сковородку, и шепчет: «Хочешь попробовать, милый? ХОЧЕШЬ?» – Игорь почти кричал.

Мы с Ольгой сидели каменными изваяниями, словно застывшие под взглядом горгоны Медузы. Игорь вздохнул.

– Дверь открыла милиция. Их потом задержали, но какое это уже имеет значение? Не знаю. Я просидел два дня в квартире с трупом собственной матери, вот это я знаю точно...

– Дима, может, сменим тему? – тихо спросила Ольга.

Я ничего не ответил, потрясенно глядя на Игоря. Виталий мне однажды говорил, что Игорь живет с двоюродной бабкой, а мать у него умерла, еще когда он был ребенком. Но услышать такое?!

– А потом мне стали сниться сны. В этих снах я знал, что моя мать прячется у меня в комнате от *них*, она пряталась у меня в шкафу, почерневшая и скрюченная, с вытекшим глазом... Она просила защитить ее и не открывать *им* дверь, она пела мне колыбельные, которые всегда пела в детстве, но слова она произносила неотчетливо, ведь ей выбили почти все зубы...

Я почувствовал, что весь покрывшись потом, несмотря на холодный вечер.

Гуфи закрыл лицо руками. Я наполнил доверху две рюмки водкой и осторожно дотронулся до его плеча.

– Игорь... То, что тебе пришлось пережить, это страшно. Но ты живой, молодой... Пусть это звучит банально, но ты не имеешь права заикливаться на прошлом, у тебя впереди вся жизнь. Я хочу выпить за тебя.

Гуфи, внимательно посмотрев на меня, нетвердой рукой взял рюмку.

– А здорово ты сегодня эту сволочь из моего уха выгнал, – вдруг слабо улыбнулся он.

– Ерунда, я видел, как это делали как-то мои друзья.

Мы выпили. Я посмотрел на часы и присвистнул. Полвторого ночи.

– Мои друзья, пора спать. – Я помог Игорю подняться. Тот начал что-то бормотать, засыпая на ходу, и я взял его под руки.

Уводя Игоря в дом, я перехватил робкую улыбку Ольги.

* * *

Прошел почти час, как мы с Ольгой вышли из лагеря и направились к горам. Погода сегодня, как и прежде, ясная и безоблачная, как сладкое детство, теплые лучи солнца ласково обогревали нашу кожу (она уже успела немного загореть).

Перед уходом Клим предупредил нас, чтобы мы держались ручья.

– В четырех-пяти километрах отсюда есть запруда. Ее вырыли мы с Константином. – Клим кашлянул. – Желательно дальше ее не ходить.

– Почему?

Клим на секунду замялся.

– Сам знаешь, тут полно диких кабанов.

– Клим, кабаны не нападают на людей. Если только они не ранены, и ты это знаешь лучше меня.

– Во всяком случае, я прошу далеко не уходить. Да и заблудиться вы можете, – решительно сказал он. – Ладно, мне нужно кое-что сказать тебе, – заторопился вдруг он и, отведя

меня в сторону, сказал: — Мне никогда не доводилось видеть, чтобы кто-то из молодежи мог обращаться с ножами, как это делаешь ты. Если не ошибаюсь, вы с Виталием раньше дружили?

Я отвел взгляд:

– Раньше да.

Клим закурил свою неизменную трубку, после чего хлопнул меня по плечу.

– Это жизнь, парень. Ты и он – очень разные, я заметил это сразу. Вы оба неплохие ребята, но я готов съесть свои ботинки, если у вас осталось что-то общее, кроме совместных посиделок за столом. Да, и еще. – Климентий достал что-то из охотничьей сумки и протянул мне: – Держи!

Нож!

– Ему примерно столько же лет, сколько и тебе. Это один из первых ножей, которые я сделал сам.

Я расстегнул потертые ножны из грубой кожи и вытащил нож. Он был похож на тот, который я метал вчера, разве что немного короче. Солнечные блики тут же весело заплясали на прохладном лезвии – оно было широкое, как ладонь, у основания виднелось несколько зазубрин, но они нисколько не портили внешний вид холодного оружия. Отразившийся солнечный зайчик заставил меня зажмуриться.

Я взглянул на Клима и понял, что он не ждет благодарности. В таких случаях это лишнее.

– Не доставай его без надобности. – Клим задумчиво посмотрел на тающие в воздухе кольца дыма и добавил: – Далеко старайтесь не уходить. И помни – держитесь ручья.

* * *

Мы уходили от лагеря все дальше и дальше, лес вокруг нас постепенно сгущался, и, несмотря на безоблачное небо и ослепляющее солнце, лучи нас почти не доставали. Появились первые комары, но Ольга заблаговременно запаслась «Антикомарином», которого, впрочем, хватало ненадолго.

Под ногами шуршали листья и сосновые иглы, иногда попадались красивые лужайки, где ярко-зеленая трава почти достигала пояса. По дороге нам попался большой уж. Ничуть не испугавшись нашего присутствия, он, не мигая, внимательно смотрел на нас своими черными блестящими глазами, и лишь когда я протянул к нему руку, он грозно зашипел, предупреждая о том, что нам лучше идти своей дорогой.

Мы отправились дальше, болтая о разной чепухе, о школе, о дальнейших планах на жизнь, затронули даже тему политики. Я также поведал Ольге о своей жизни в армии, рассказал про родителей и Вита.

Удивительно, но общение с этой девушкой доставляло мне несравненное удовольствие, и я впервые посмотрел на нее по-иному. Лицо правильной формы, черты нежные, хотя и не такие красивые, как у Дианы, но зато милые и располагающие, а глаза... Выразительные и необычайно глубокие, цвета фиалок, они видят собеседника насквозь, словно через причудливую призму, фиксируя каждую мысль, эмоцию, желание, и похожи на бездонные горные озера.

– Дима, я хотела у тебя спросить... Игорь ехал сюда с какой-то определенной целью?

– Мы все сюда приехали с определенными целями – отдохнуть, позагорать, искупаться и тому подобное. – Я в который уже раз машинально дотронулся до ножа Клима, покачивающегося в такт ходьбе.

– Ты не понял меня, – Оля кашлянула. – Я имела в виду...

– Я отлично знаю, что ты имеешь в виду. Вит взял его, рассчитывая, что ты обратишь на него внимание.

– Я догадалась, просто хотела узнать, знаешь ли ты об этом. – Она на мгновение покраснела и торопливо сказала: – То, что он вчера рассказал... Я бы никогда не подумала.

– Для меня это тоже было новостью. Я только знаю, что с детства он живет без родителей и у него почти нет друзей, кроме Виталия – они вместе учились в школе.

Мы продолжали медленно идти, и вскоре справа от ручья возник небольшой водоем. По-видимому, это и есть та запруда, о которой говорил Клим. Вокруг нее – взрыхленная земля и помет.

– Что это? – Ольга с интересом присела над запрудой.

– Кабанья джакузи, – ответил я и, поймав ее недоуменный взгляд, объяснил: – Несмотря на общепринятое мнение, кабаны и свиньи чисто плотные животные. Судя по всему, это их купальня. Посмотри, какая мутная вода. А грязь для них – все равно что мыло. Когда она засыхает, они трутся о кору деревьев, чтобы вместе с ней отвалились разные насекомые и паразиты. Вот, гляди! – Я показал ей на испачканный засохшей грязью ствол сосны.

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Ольга.

Я только открыл рот, как вдруг она воскликнула:

– Ой, смотри! – и схватила меня за руку.

Прямо перед нами, важно перебирая морщинистыми лапами, ползла громадная черепаха, панцирь которой был не меньше таза для белья.

– Кстати, ты знаешь, как на черепахах охотятся хищные птицы? – спросил я у Ольги, но она, похоже, не услышав вопроса, с интересом наблюдала за пресмыкающимся.

Я продолжал:

– Увидев черепаху, они хватают ее своими когтями, поднимают на большую высоту, причем именно над каменистой местностью, после чего бросают ее вниз. От удара панцирь черепахи раскалывается, и птица начинает пировать.

Глядя на размеры обнаруженного нами экземпляра, я с трудом представлял себе размеры птицы, способной поднять ее в воздух.

– Как насчет ужина в виде черепахового супа сегодня вечером, леди? – галантно произнес я, делая вид, что озабочен поиском камня.

– Нет, ты что, Дима, не надо! – Оля всерьез испугалась за жизнь черепахи и сильнее сжала мне руку.

Разговаривая, мы пошли вслед за черепахой, которая целенаправленно ползла вперед, все глубже в лес, при этом она нисколько не боялась нас. Кто сказал, что черепахи медленные? Черта с два! Она ползла ненамного медленней, чем мы шли, при этом я бы не сказал, что она сильно спешила.

Увлеченно следя за черепахой, мы не заметили, как постепенно все дальше и дальше уходили от ручья. Через некоторое время Ольга сказала, что она устала и не прочь бы утолить жажду. С собой у нас была литровая бутылка «Фанты», бутылка пива и немного бутербродов с сырокопченой колбасой.

Мы спустились по пологому склону в неглубокую ложбинку, в которой в изобилии росла иглица и папоротники. Невдалеке лежала большая сосна, и мы решили сделать небольшой привал.

Сидя на поваленном дереве, опутанном космами разных тягучих трав и лиан, девушка болтала ногами, жевала бутерброды и рассказывала, как они с отцом ездили в Польшу. О своей матери она не обмолвилась и словом, да я и не спрашивал о ней.

В этом отношении я всегда стараюсь придерживаться железного правила. Однажды отец мне сказал: «Запомни, старик, никогда ни о чем не спрашивай бабу. Они как мороженое – сначала холодные, потом тают, а затем липнут. Если она уже липнет к тебе, значит, от тебя у нее никаких секретов не будет. Но она скажет тебе все сама. Если же она не хочет говорить – не приставай к ней с расспросами, она обязательно соврет...»

– ...в позапрошлом году. Конечно, хотелось бы поступить в аспирантуру, но, честно говоря, не уверена в своих силах. Вот Ира мне вчера рассказывала... – беспечно щебетала

Ольга, отхлебывая «Фанту», – недавно открылся новый институт, так... Ой! – Ольга взвизгнула и прыгнула на землю. – Дима, мне что-то за шиворот упало! – Она судорожным движением скинула с себя тренировочный балахон и повернулась ко мне спиной. Я приблизился к ней и осторожно приподнял нижний край ее футболки. На руки мне вывалился жук с толстыми мохнатыми лапками. Стряхнув насекомое на землю, я носком ботинка отшвырнул его подальше в траву.

– Ну, что там? – в голосе Ольги слышалось беспокойство.

– Ничего, просто веточка.

Я все еще держал приподнятым край ее футболки и чувствовал легкий аромат ее свежего тела. Медленно приподняв футболку выше, я осторожно прикоснулся руками к ее спине. Ольга вздрогнула, повернулась ко мне, и наши губы нашли друг друга.

В лагере

После обеда Гуфи уселся в беседке, погрузившись в чтение своих книжек. Правда, буквы все время прыгали и гонялись друг за другом, играли в чехарду и никак не желали строиться в слова – с самого утра у Игоря с похмелья адски болела голова, а вкус во рту был такой, словно маленькие поросята устроили в нем сортир.

Ирина убирала со стола, Дэн решил помочь ей и с усердием тер тряпкой тарелки, разбрызгивая из таза воду, изредка попадая на Иру. «Денис, пошли после обеда на море?» – «Нет, пошли лучше в дом, я тебе одну штучку покажу». – «Какую штучку?» – «Очень прикольную, только не говори никому...»

Слыша их беспечный смех, Виталий с горечью понял, что его нынешние отношения с Дианой никогда не были такими же естественными, и все, что эту девушку в нем устраивает (пока), – это ненасытный секс. Во время постельных сцен она вела себя как безумная, царапалась, кусалась, стонала и извивалась, плакала и смеялась. Но когда все заканчивалось, она усаживалась в постели и начинала неторопливо расчесывать свои золотые локоны, и при этом на ее холеном лице появлялось то знакомое ему холодно-безразличное выражение: «Как меня все достало... Почему бы тебе не сходить на кухню и не сварить кофе?»

Когда Дмитрий ушел в армию, Диана позвонила Виту буквально на следующий день и сладеньким голоском попросила его помочь ей повесить в комнате книжную полку. Она и раньше, когда они находились в компании, иногда бросала на него оценивающие взгляды, но в этот раз...

«Мой папа ни на что не годен, ему такое доверить нельзя», – сказала она, многозначительно хихикнув. Что ж, Вит знал, что это отчасти правда, поскольку в семье Миляевых парадом командует мать (ее отец даже взял фамилию жены), и он частенько видел папашу Дианы стирающим белье либо заставлял за стиральной. Ее мать – деловая, строгая женщина с короткой стрижкой, постоянно ездит на встречи, банкеты, заключает договоры, возле нее всегда вьются поклонники (она генеральный директор нефтяной компании).

Направляясь домой к Диане Миляевой, Вит предполагал, что будет дальше, и не обманулся. Они любили друг друга долго и страстно прямо на ковре в коридоре, и Виту не верилось, что он обладает такой девушкой. В тот момент его ничуть не смущало, что она является подругой Дмитрия, с которым они, в общем-то, дружили с самого детства. Чувство вины пришло позже, но сейчас оно спряталось куда-то глубоко внутрь, будто крохотный зверек, залегающий в зимнюю спячку, и дает о себе знать все реже и реже.

Отношения с Дмитрием у него стали портиться еще до армии. Дима связался с каким-то мотоциклетным клубом и пропадал в нем целыми днями, в их прежней компании он практически перестал появляться. Как-то раз из вежливости Вит проявил интерес к мотоциклам и попросил Дмитрия научить его ездить. В ответ он услышал, что «Днепр» для него слишком

тяжелый, лучше учиться на легких мотоциклах. «И вообще, женой и мотоциклом не делятся». Вот так.

Насчет мотоцикла он, пожалуй, и прав... Но вот с женой... Дмитрий не из тех людей, которые с легкостью расстаются с тем, что, по их мнению, принадлежит им. Пусть даже по другую сторону баррикады стоит лучший друг. Поэтому еще все впереди. Хорошо, если у Стропова хватит ума не устраивать выяснения отношений здесь, на море. А в Москве... Виталий считал, что у него хватит красноречия уладить все проблемы мирным путем, без классических разборок.

Они все больше и больше отдалялись друг от друга, и он чувствовал, что та истрепанная ниточка, связывающая их дружбу, постепенно истончающаяся до толщины пленки мыльного пузыря, скоро с треском лопнет.

После обеда они с Дианой пошли на пляж.

Вдоволь искупавшись, они разлеглись на полотенцах и некоторое время молчали.

– Похоже, Стропов успокоился, – лениво проговорил Вит, переворачиваясь на живот и зажав глаза.

– Вроде бы... – Девушка достала из пакета бутылку минеральной воды и, открутив крышку, сделала глоток. – Хотя иногда мне кажется, что твой дружок окончательно чокнулся.

– С чего бы? Ты имеешь в виду аварию?

– Ты не понял, – тоном, не терпящим возражений, перебила его Диана. – По-моему, по нему плачет психушка. Ты в курсе, что у него лунатизм? – спросила девушка, доставая крем.

– Он что, по ночам ходит? – Вит недоуменно посмотрел на Диану.

– Не только. Эти приступы... Порою с ним происходит такое, что страшно вспомнить. Во время этих припадков он абсолютно ничего не помнит, хотя может разговаривать и двигаться. Ну ты что, не знаешь, что ли? Это началось у него после того, как он в детстве грохнулся с дерева и сильно повредил голову. Врачи вживили ему в череп металлическую пластину, и с тех пор с ним иногда *это* происходит...

– Да что происходит?

– Со стороны это выглядит просто жутко, – словно не обращая на Вита внимания, говорила девушка, – вроде бы это он, но в то же время совсем другой человек, словно... словно неумело вылепленная копия из воска, которая ожила, что-то говорит и вращает глазами...

Диана принялась натирать свои стройные ноги кремом.

– Однажды это произошло у меня дома, – продолжила она. – Мы смотрели телевизор (он принес свои любимые кассеты с фильмами фэнтези), я пила колу, он, как всегда, – пиво с чипсами. Неожиданно он поперхнулся. Уронил стакан, залил мне весь ковер пивом. Чипсы тоже полетели вниз, и я уже хотела возмутиться, потому что подумала о том, как мне влетит от мамы, как... увидела его лицо. Оно посинело, изо рта язык торчит. И давай мычать что-то типа «а-а-о-о-и-и...».

Несмотря на серьезный тон Ди, Вит с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться, когда она попыталась воспроизвести звуки, издаваемые Дмитрием.

– Мне стало страшно, я принялась тормошить его, хлестать по щекам, а он завалился на диван и стал сползать на пол. Я вскочила и бросилась к телефону, чтобы вызвать «Скорую». Вдруг он приподнялся и посмотрел на меня. Лицо стало нормальным, язык убрался. И как в замедленных съемках он стал вставать. Он был похож... – Ди наморщила лобик, подбирая подходящее сравнение, – на зомби в фильмах ужасов. Эти ледяные глаза... Улыбка живого мертвеца. Он достал из кармана перочинный нож и открыл лезвие. Я в шоке, думаю, сейчас как заору! Прижалась к стенке, руками ищу дверную ручку. А Стропов так вроде как с неохотой давай себе руку кромсать этим ножом.

Виталий остолбенело слушал девушку. Ди, помолчав немного, продолжила:

– Потекла кровь. Мне было так страшно, но я почему-то думала, что мама свернет мне шею. Затем он протянул мне нож и произнес: «На, возьми... Только ты и я!!! Только ты и я! Ты и я, ты и я, ты и я...» – Несмотря на крем, на лице Ди проступила бледность.

– Потом он посмотрел на меня, – продолжила девушка. – Наверное, у меня был такой вид, что он сам испугался; он вытащил из кармана бандану и начал перевязывать себе руку.

Вит округлившимися глазами смотрел на Ди.

– Мне об этом ничего не известно, – выдавил он, – я слышал, что у него были какие-то проблемы после операции, но чтоб такое...

– Вот так. Теперь понимаешь, почему я избегаю находиться с ним наедине? А после этой аварии у него окончательно крыша поехала, все болты из своей черепной коробки растерял, уж можешь мне поверить. Ты знаешь, я очень волнуюсь за Ольгу. Чего она поперлась с ним в лес? А если у него там опять будет планку сносить, тогда что?

Диана закончила заниматься ногами и стала осторожно накладывать крем на обгоревший живот. Несмотря на то что кожа на животе начала шелушиться, Вит отметил, что выглядит он чертовски привлекательно.

– Я хорошо понимаю, что он долго тебя уговаривал организовать эту поездку, рассчитывая таким образом восстановить наши прежние отношения. Не хочу. Не могу и не хочу ничего. Если у Ольги с Игорем ничего не получится, пусть кадрит Олю.

– По-моему, он уже ее закадрил, – не мог не улыбнуться Вит, вспомнив, какими глазами Ольга глядела, как Стропов метал ножи.

Наступила пауза.

– *Тем не менее, – отважилась ее нарушить Ди, – между нами все кончено, и он это, кажется, понял. Жаль только, что он на меня теперь озлобился.*

«Только ты и я?» – промелькнуло у нее в голове.

В лесу

...С громким хлопком крышка слетела с бутылки, чуть не попав мне в глаз, и я торопливо приник губами к прохладному горлышку, не давая пролиться пивной пене. После чего надел футболку (чертовы комары, как наркоманы, уже привыкли к мазям, которые взяла с собой Ольга, и принялись жалить нас с удвоенной силой) и уселся подле девушки, осмысливая происшедшее.

Оля оказалась девственницей, и это никак не укладывалось в моей голове. Да, она была стеснительной, возможно, у нее есть какие-то комплексы. Но в современное время встретить двадцатитрехлетнюю девственницу, да еще москвичку, – согласитесь, большая редкость.

Когда дело дошло до самого интересного, я тем не менее не забыл предварительно достать из кармана презерватив – у меня всегда имелся по крайней мере один на всякий случай.

Я всегда буду помнить слова отца, опускающего мне в карман куртки презерватив: «Всегда носи с собой это. Даже если наступит момент, когда тебе будет казаться, что ты не в силах сдержаться, помни об этой штуке. Я не хочу видеть своего несовершеннолетнего сына среди молодых дураков – алиментщиков». Тогда мне было четырнадцать лет, и он, отпуская меня на дискотеку, дал еще немного денег. Эти слова запомнились мне на всю жизнь.

(Ты... ты девушка?! – ... – Почему ты сразу не сказала? – А это что-нибудь изменило бы? – В общем, нет, но... – Тогда обними меня...)

Ольга сидела, укутавшись своим тренировочным балахоном, и выжидательно смотрела на меня. Сейчас она была просто прекрасна. Я не замечал, что из-за моей щетины на ее нежной коже появилось раздражение, не замечал ее всклокоченных волос. Я видел ее чистые глаза и сияющее лицо, а остальное не имело значения.

Пока я пил пиво, она осторожно водила пальчиком по моей левой руке, задержавшись на татуировке на предплечье. Будучи в армии, я наколол себе яростно скалящуюся морду рыси, рисунок был неплохой, но качество татуировки оставляло желать лучшего. После демобилизации один мой знакомый татуировщик поверх полуразмытой физиономии семейства кошачьих изобразил мне немислимо переплетенный кельтский орнамент, символизирующий, как он выразился, победу над темными силами.

– Дим...

– А? – неохотно откликнулся я.

– Больно было?

– Мне? – Я удивленно посмотрел на нее. – Это мне нужно тебя спросить об этом, прелесть моя.

Она засмеялась:

– Да нет, я не об этом. Я имела в виду татуировку.

– Нет, конечно. – Я машинально приосанился и немного напряг мышцу. Подумал и протянул ей бутылку. Неожиданно вид Ольги с небрежно растрепанными волосами, пьющей пиво, вновь возбудил во мне желание. Дождавшись, когда она поставит пиво, я повалился на нее, ища ртом ее губы. Она мягко оттолкнула меня, сказав:

– Слушай, не надо... Мне сейчас немного не по себе и... Не обижайся, но я пока не хочу.

Я со вздохом отстранился от нее и поглядел на часы. Они показывали три часа дня, пора собираться.

Мы оделись. Ольга, торопливо скомкав, убрала в пакет с пустыми бутылками свои трусики в пятнах крови. Туда же последовал окровавленный носовой платок.

Вдруг Ольга прильнула ко мне и, страстно поцеловав в губы, горячо прошептала:

– Мне очень хорошо с тобой.

Я неопределенно кивнул и, поддерживая ее за талию, направился к ручью. Оля крепко держала меня за руку.

Западный склон ложбинки, куда мы спустились, был немного круче восточного. Хватаясь за растущие на склоне мелкие кустарники, мы забрались наверх и оказались на ровной поверхности. Идти мешал густой подлесок, и нам пришлось обогнуть утыканные шипами заросли, но каждый раз, огибая куст, я старался не сбиться с выбранного курса. Я ничуть не волновался, поскольку был уверен, что от запруды мы ушли недалеко и она должна появиться с минуты на минуту.

Однако, пройдя несколько десятков метров, я нахмурился. По моим подсчетам, мы уже давно должны были выйти к нужному месту, либо в крайнем случае к ручью, однако никаких признаков того, что мы двигались в правильном направлении, я не видел. Более того, на какое-то мгновение мне даже показалось, что мы шли прямо в противоположную сторону. Определить по следам, откуда мы пришли, не представлялось никакой возможности, поскольку под ногами у нас хрустел горный щебень.

На всякий случай я решил еще пройти метров пятьдесят, прокручивая в голове, сколько времени мы шли за черепахой. Пять минут? Двадцать? Черт, мы так были увлечены беседой и наблюдением за ней, что о времени никто из нас не думал.

Ольга, оглядываясь по сторонам, что-то рассказывала, но я едва ли ее слушал.

(Держитесь ручья. Не бойтесь, это шакалы.)

И хотя я прекрасно знал, что кабаны просто так не нападают на людей, шрам от клыка на бедре Клима вдруг ясно предстал у меня перед глазами.

Метров через сто перед нами неожиданно возник крутой спуск. «Когда мы направлялись сюда, его здесь не было», – пронеслось у меня в мозгу, и я решительно повернул назад. Ольга замолчала.

– Дима, мы заблудились? – В голосе ее пока не чувствовалось страха, скорее любопытство, смешанное с удивлением.

– Разумеется, нет, – бодро ответил я, напряженно всматриваясь вперед. «Дерево, нужно вернуться к поваленному дереву. А там я уже сориентируюсь», – твердил я себе.

Мне вспомнились советы заблудившимся в лесу, когда, для того чтобы идти все время по прямой, рекомендовалось выбирать какой-нибудь ориентир. Сюда мы шли, никуда не сворачивая, теперь же нужно было вернуться обратно и не заблудиться при этом. Я запоминал каждое дерево, куст, бугор, торчащий камень и шел к нему. Отгоняя нависшую над нами тучу мошкар и комарья, я выбрал ориентиром высокую березу, примерно в тридцати метрах от нас. Далее мое внимание сконцентрировалось на заросшем мхом валуне.

«Идти от ориентира к ориентиру – дело, конечно же, хорошее, и ты, возможно, идешь по прямой, но не уводит ли это тебя от цели?» – прошептал внутренний голос.

Надсадный писк комаров сводил с ума. Гравий скрипел под ногами, оглушающе трещали цикады. Вскоре щебенка сменилась на мягкую лесную землю, растительности стало больше (где же это чертово дерево?!), но ничего похожего из того, что мы проходили, я не узнавал. Пройдя еще метров сто вперед, я окончательно понял, что мы заблудились. Ольга шла рядом, немного побледневшая, но всем своим видом стараясь показать, что плевать ей на этот лес и найти тропинку к ручью – вопрос двух-трех минут.

Стремясь заполнить возникшую неловкую паузу, я лихорадочно вспоминал какие-нибудь истории, чтобы отвлечь Ольгу, но в голову лез какой-то бред.

– Послушай, не думай о том, что мы потеряли дорогу. Я чувствую, что тропинка где-то здесь, и мы вот-вот к ней выйдем. Лучше я расскажу тебе одну историю о несчастной любви (мне вспомнилась одна байка, которыми в огромном количестве пичкали нас в пионерских лагерях) юноши и девушки.

– Это имеет какое-то отношение к нашей ситуации? – лукаво спросила Ольга, но по ее глазам я видел, что она оживилась.

– Судить тебе.

– Так вот, однажды жил-был юноша Рико. В один прекрасный день он увидел прекрасную девушку Жанну, в которую влюбился с первого взгляда. Он тоже пришелся ей по душе, и вскоре они поженились. Но существовала одна проблема – она была богата, он – беден. Родители Жанны с большой неохотой помогали молодоженам, но в то же время старались сделать все, чтобы этот брак распался. Но, как говорится, это к делу отношения не имеет.

Увлечшись рассказом, я не заметил, как лес постепенно превращался в непроходимую чащобу, корявые ветви, будто костлявые лапы, цеплялись за одежду, за шиворот сыпалась труха, мошкара тучей нависла над нашими головами, монотонно гудя. Я изменил направление, взяв немного левее. Ольга послушно шла рядом.

– ...Несмотря на это, они сильно любили друг друга и уже хотели завести ребенка, как однажды случилось несчастье. Купаясь осенью в реке, девушка заболела воспалением легких и слегла. Молодой человек каждый день навещал ее, экономя на всем, покупая ей самые дорогие цветы и лекарства, – продолжал я.

Мельком я взглянул на часы и едва сдержался, чтобы не выругаться. Мы бродили уже почти час, а ручья все не было.

«Похоже, сегодня нашей постелью будет лесная земля, а одеялом – ночное небо», – подумал я и сглотнул подкативший к горлу комок. Стараясь, чтобы мой голос звучал как можно беззаботней, продолжал:

– Как-то раз этот юноша в очередной раз пришел навестить девушку в больнице. Она лежала вся бледная и, когда увидела его, сказала: «Рико, у меня к тебе одна просьба. Обещай, что ты ее выполнишь». – «Все, что угодно, любовь моя!» – вскричал молодой человек. Жанна продолжала слабым голосом: «Мне осталось жить совсем немного, и я хочу, чтобы ты пообещал».

щал никогда не приходиться ко мне на кладбище...» Рико застонал: «О чем ты говоришь?! Ты не умрешь, потому что после твоей смерти я умру в следующее мгновение!»

Ольга искоса поглядывала на меня, кусая ноготь на большом пальце.

– Так вот. Чтобы успокоить девушку, Рико пообещал ей не приходиться к ней на могилу в случае ее смерти. Однако на следующий день врач сообщил парню, что она скончалась.

Внезапно я увидел, как впереди, на спуске блеснула извивающаяся полоса ручья, и, глубоко выдохнув, обнял Ольгу. Она тоже увидела ручей, и в ней затеплилась надежда.

– Это ведь наш ручеек, правда, Дима? – заглядывая мне в глаза, доверчиво спросила девушка.

Я ничего ей не ответил, в душе надеясь, что мы вышли на правильную дорогу. Правда, вокруг в изобилии росла бузина, а память мне подсказывала, что, когда мы шли сюда, ее не было. Ну да и черт с ним. Главное, мы вышли к ручью.

Спустившись к воде, мы первым делом утолили жажду. Я стал осматриваться, пытаюсь определить, в какую сторону нам идти. Поразмыслив немного, я все же решил спускаться вниз. В конце концов, с горы мы спустимся к морю, а там уже по берегу доберемся до дома, успокаивал я себя.

– Ну, что было дальше? – Ольга дотронулась до моей руки.

– Дальше? – рассеянно произнес я. – А... В общем, когда девушка умерла, Рико долгое время безутешно рыдал, не в силах смириться с ее смертью. В то время родители девушки установили ей памятник на кладбище, а также могильные плиты – белая внизу и черная сверху.

Тем временем мы снова поднялись на пригорок, и я заметил, что ручей суживался с каждым пройденным нами шагом. Его ширина уже не превышала десяти сантиметров. Бузина закончилась, ее сменили колючие кустарники со странными овальными лепестками бледно-голубого цвета.

– Как-то раз молодой человек чересчур перебрал спиртного в баре и, несмотря на данное любимой девушке обещание, решил пойти к ней на могилу. Когда он пришел на кладбище, уже смеркалось. Рико присел на могильные плиты и начал плакать, сетуя на судьбу. Он машинально что-то крутил пальцами на плите, даже не глядя, что делает. Стал накрапывать дождь. Решив, что ему уже пора, Рико вдруг обнаружил, что выкрутил один из болтов, скрепляющих плиты. Испугавшись, что он наделал, Рико присел на колени и стал торопливо прикручивать болт на место. Сверкнула молния, и дождь забарабанил по мрачным надгробиям...

Ольга пихнула меня в бок.

– Мне и так страшно, а ты тут еще страсти рассказываешь!

Мы спустились в небольшой овраг и попали в густые заросли ежевики, которые угрожающе ошетинились шипами. Лес вокруг нас снова стал сгущаться, нас окружил легкий полумрак. Из-под ног, крича, с шумом вылетали птицы, недовольные посторонним вторжением.

Ручеек продолжал невозмутимо течь, равнодушный к нашим проблемам. К своему ужасу, я увидел, что тоненькая полоска струящейся воды превратилась в еле заметную ниточку, которая вскоре совсем исчезла в буйных зарослях. Не решаясь их обходить из-за боязни потерять ручей, мы стали продираться сквозь чащобу. Что-то подсказывало мне, что потеря будет невелика – *этот* ручей никуда нас не выведет. Мы выбрались из зарослей, появился и ручей.

– Ему долго не удавалось завинтить болт на место, так как было уже темно, – продолжил я. – Наконец он закрутил его на место и стал подниматься. И внезапно покрылся липким потом, потому что не мог встать. Неведомая сила держала его у могилы, и прямо перед собой в темноте он видел улыбающееся лицо Жанны. Тут он вспомнил ее предсмертные слова, ее просьбу не приходиться на кладбище. Он решил, что она не хочет отпускать его домой, а желает, чтобы Рико остался с ней, и держит его своими полуразложившимися руками за ноги – синяя и распухшая... – Я осекся и посмотрел на Ольгу. Она побледнела еще больше, и я одним махом

закончил: – А наутро сторож, обходя кладбище, обнаружил труп Рико. Край его плаща был прикручен к могильной плите тем самым злосчастным болтом.

Где-то вдалеке заухал филин.

Я хотел добавить, что на губах Рико играла зловещая улыбка, а ногти на пальцах сорваны, но решил, что это будет лишнее.

– Вот, собственно, такая история, – промолвил я.

Некоторое время мы шагали молча.

– Есть, кстати, один анекдот на тему ориентира. – Ольга убрала с лица прядь волос. – Сидят двое в шлюпке посреди океана после кораблекрушения. Один другому: «Боцман, а как ты еще умеешь определять север, кроме как по мху на деревьях?»

Я мысленно улыбнулся, с уважением посмотрев на девушку. Нужно быть мужественным человеком, чтобы в такой ситуации еще найти в себе силы шутить.

Какое-то время мы шли среди высоких красивых сосен, прямо как в классических русских мультфильмах. Постепенно эту идиллию сменила чащоба: деревья с уродливо перекрученными стволами, густые заросли переплетенных кустов, зачастую усеянные шипами ветки акаций, которые так и норовили добраться до наших глаз и рук. Растительность тоже стала меняться, кусты уступили место папоротникам, вокруг стало слишком много сухих деревьев, земля все больше пружинила. Деревья начали утрачивать высоту и пышность, стволы сделались искривленными, а корни будто боролись с землей в мучительной охоте за влагой.

Ручей вновь стал расширяться, и на некоторое время во мне снова затеплился слабый огонек надежды. Однако через некоторое время я понял, что ручей не просто расширяется, но и перестает течь, постепенно превращаясь в череду луж, частично затянутых ряской, с зависшими над ними тучами мошкары.

Тут же моя нога по щиколотку провалилась в мутно-зеленую жижу. Выругавшись, я с чавканьем выдернул ногу, обдав себя зловонным фонтаном. Болото!

«Этого еще не хватало», – мрачно подумал я. Оглядевшись, я увидел, что деревьев стало значительно меньше, и если бы я не провалился в болотную жижу, то решил бы, что передо мной расстилается очаровательная полянка, поросшая мягкой травкой.

Вот тут я огляделся и наконец-то заметил, что мы пришли в мертвый лес, где когда-то бушевал сильный пожар. Густой ковер мха то и дело разрывали сверкающие в лучах солнца водяные зеркала. Из них тут и там торчали поросшие травой кочки. В этом болоте и закончил свои недолгие странствия наш ручей. Везде лежали стволы упавших деревьев, многие еще несли на себе следы пожара.

Там вас ждет темнота. Поворачивайте назад.

Слова цыганки вспыхнули в мозгу подобно факелу. «Возьми себя в руки», – приказал я себе, чувствуя, как меня охватывает паника.

Впереди, метрах в ста, виднелся высокий холм, заросший соснами, похожий на исполинского дикобраза. На какое-то мгновение мне показалось, что сквозь просвет деревьев блеснуло море.

Море!

«Мы выйдем к морю и пойдем по побережью назад».

После минутного раздумья я решил обойти болото сбоку и взобраться на одно из деревьев на холме.

«Ты полагаешь, с дерева тебе удастся что-либо разглядеть?» – прошептал вкрадчивый голос. – Конечно, ты можешь залезть на дерево, ты ведь у нас герой, а что будет, если ты опять наступишь на сухую ветку? Тебе понравилось падать? Или твоей тупой башке требуется еще некоторое количество железа? Идея шизофреника, как тебе кажется?»

«Кажется. А разве у меня есть выбор?»

* * *

Часы уже показывали 17:24, и я стал искать подходящие деревца. Ольга, прислонившись к раскисшему пню, доставала остатки крема. Во всех ее движениях чувствовалась усталость.

В зарослях я без труда отыскал пару молодых деревьев и, срубив их, принялся обстругивать. Нож, к счастью, был заточен как бритва.

Кожа на лбу стала зудеть, и я силой хлопнул по нему, раздавив комара. На руке осталось большое кровавое пятно, и мне стало не по себе, когда я представил, что будет, когда у нас закончится мазь, а полчища этих мини-вампиров захотят нами пообедать.

Я очень торопился, стараясь побыстрее закончить с палками. Срезая очередной сучок, лезвие неожиданно соскользнуло и рассекло внутреннюю часть моего большого пальца, задев при этом указательный. Кожа разошлась, словно смеющийся алый рот, потекла кровь. Закусив губу, я зажал рану правой рукой.

– Оля!

– Да?

– Мне нужен твой платок.

– Зачем? Ты что, порезался?

– Царапина.

– Но... Дим, он же в крови.

– Давай сюда. Сейчас это не имеет значения, если ты, конечно, не болеешь туберкулезом.

Шутка.

Ольга холодно посмотрела на меня, пока я заматывал рану.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Ты о чем?

– Я о том, что не вижу смысла лезть в это болото.

– Оля, назови это как хочешь – интуиция, провидение, но я уверен, что скоро мы будем дома.

Наконец палки были готовы, и мы начали осторожно, перескакивая с кочки на кочку, двигаться вперед.

«Странно, Клим ничего не говорил о болотах в этих местах», – думал я, нащупывая палкой твердую почву. Это правда. Правда и то, что Клим предупреждал о запруде. Я чувствовал, как меня охватывает злость к самому себе – весь день строил из себя знатока флоры и фауны, а в итоге заблудился в трех соснах!

Ольга шла сзади, ступая по моим следам, на всякий случай тыкая по сторонам палкой. В другой руке у нее болтался пакет.

– Да выбрось ты этот мешок! Что там у тебя?

Оля покраснела и сказала сердито:

– Сам знаешь что!

«Точно, там ее белые трусики, точнее, раньше они были белыми, – поправил я себя, – и бутылка из-под „Фанты“ с водой».

Пройдя несколько метров, я увидел, что болото значительно больше, чем показалось на первый взгляд. Доходя до самого подножия холма, куда мы направлялись, оно огибало его с обеих сторон и расстилалось дальше.

С пропитанного водой мха я ступил на кочку, которая оказалась совсем не кочкой. Ботинок провалился сквозь землю – обманчиво твердая корочка мха скрывала своеобразный карман холодной грязи. Нога нырнула в вязкую затхлую субстанцию. С проклятием я вытащил ногу и осторожно продолжил путь по ненадежному насту. Вскоре при каждом шаге наши ноги (на каждую из них будто повесили по пудовой гире) чуть ли не по щиколотку уходили в воду.

Стали отчетливей видны островки-кочки, поросшие невысокой травой, которые разделяла черная вода и деревья. Посреди болота осклизлые корни огромного вывороченного дерева, ствол где-то под водой, а вершину можно угадать по блестящим от слизи, темно-коричневым, голым, как черви, ветвям. Вместо того чтобы твердеть, почва становилась все более топкой. При каждом шаге выбрызгивалась тонкая струйка рыжей воды. Наконец земли не стало вовсе: над водой возвышались лишь маленькие островки-кочки. Мы переходили от одного к другому, опираясь на палки. Скоро наступил момент, когда мы не могли не только переступить на очередную кочку, но даже допрыгнуть до нее.

Я старался не думать о том, что произойдет, если в следующую секунду мы не сможем вытащить из ила наши ноги, если мы застрянем намертво.

Гнилостный запах становился невыносимым, пахло разлагающимися растениями,дохлыми рыбами и жабами; Ольга смешно наморщила носик, и, несмотря на всю серьезность ситуации, я рассмеялся.

– Давай посмеемся вместе, Стропов, – иронично проговорила она, и только я собрался сообщить ей причину моего веселья, как она испуганно закричала.

Девушка оступилась, и ее левая нога провалилась в грязно-серую жижу по колено. Ольга с ужасом смотрела, как трясина постепенно, не торопясь, затягивает ее все глубже, палка выскользнула из ее рук. Не веря происходящему, она, словно кролик на удава, глядела на поглощающую ее топь.

«Да, такое возможно, всего только два часа назад ты билась в пароксизмах страсти, и тебе было очень приятно, а теперь ты медленно умираешь, тебе всегда казалось, что подобное может случиться с кем угодно, но только не с тобой».

Все это я прочитал за тысячные доли секунды в ее молящих о помощи глазах.

– Держись! – крикнул я и протянул ей свою палку. Сам я в этот момент нащупывал ногами хоть какую-нибудь твердую опору, топчась в скользкой смердящей массе.

Ольга судорожно схватилась за протянутую палку, я стал осторожно подтягивать ее к себе. Трясина затянула ее почти по пояс, и я удвоил усилия. Рана на ладони открылась, и в мутную жижу закапала кровь. Медленно, сантиметр за сантиметром, с большой неохотой болото постепенно освобождало Ольгу. Упираясь в кочку, я, невзирая на острую боль в руке, из последних сил тащил Ольгу на себя. Последний резкий рывок, и она, тяжело дыша, уже лежала на моих руках. Пакет с трусиками и бутылкой родниковой воды сонно погружался во чрево болота.

– Дима, пакет...

– Бамбарбия-киргуду твоему пакету, – отдышавшись, проговорил я.

– Там вода.

– Предлагаешь нырнуть вслед за ним? Увольте, мадам.

Некоторое время мы молча сидели, облокотившись друг на друга.

Глядя на чистое небо, я чувствовал, что настроение мое все больше омрачается, и я чувствовал, что это связано не только с тем, что мы заблудились.

С самого начала нашего перехода меня не покидало чувство беспокойства. Чувство было сродни тому, что ты вышел из дома и на полдороге задумался о том, выключил ли ты газ на кухне и закрыл ли дверь на ключ. Только сейчас, оглядевшись по сторонам, я понял. Странно, но где, как не на болоте, обитать комарам? Да, одного кровососа я прихлопнул, но он был *еще на суше*. Теперь же мы находились чуть ли не в самом центре этого царства трясины, и я не видел ни одного комара. Кваканья лягушек я тоже не слышал, умолкли птицы и цикады. Все вокруг было мертво.

Вдруг необъяснимый страх липким покрывалом накрыл меня, у меня возникло ощущение, что только что я раскопал сам себе могилу и жду захода солнца, чтобы в нее лечь.

Я поежился. Говорить Ольге о своих мыслях не хотелось, тем более отсутствие лягушек и комаров на болоте, вероятно, заботило в настоящий момент ее меньше всего. Она немного успокоилась, дыхание постепенно выравнивалось.

В этот самый момент, позабыв обо всех своих мыслях, что только что беспокойным роением носились у меня в голове, затаив дыхание, я почувствовал: *мы не одни.*

Рядом кто-то есть.

«Может, *что-то?*» – прошептал чей-то голос, сухой и безжалостный, как шорох паучьих лап.

Сработала некая сигнальная система, о существовании которой я никогда и не подозревал, которая не была востребована в мире цивилизации, которая включалась только в глухом темном лесу. Каждой клеткой своего тела я ощущал постороннее присутствие, и присутствие это было отнюдь не хорошим.

«Не будь идиотом, мы здесь совершенно одни», – стараясь казаться уверенным, сказал я себе.

Внезапно мысли о том, что за нами кто-то наблюдает (спрятавшись за полусгнившей корягой), исчезли, будто их сдуло порывом ветра, и им на смену пришли другие. Странные мысли... Связанные с девушкой, что находится рядом со мной.

Ольга.

Насчет того, чтобы с ней что-то сделать. Что-то такое, что очень хочется, но о чем никогда не расскажешь своим друзьям. Так, в порядке эксперимента.

Внезапно меня обдало неким призрачным ужасом. Чувство было томительным и в то же время отталкивающим. Все еще размышляя об этом, стараясь осознать, о каком эксперименте идет речь, я взглянул на Ольгу. Она смотрела на меня затуманенными глазами, затем облизнула язычком верхнюю губу.

* * *

Чья-то тень качалась надо мной, обволакивала. Странное ощущение все еще одолевало меня, будто в мозгу всплыл отголосок давно виденного и позабытого сна, когда немисливо ни восстановить мелькнувший за гранью бодрствования образ, ни вполне избавиться от смутной тени, вторгшейся в разбуженное сознание. Постепенно чувство исчезало, и исчезновение это было неприятным – словно уползал крупный слизняк, оставляя за собой зловонный след.

– Можно я задам тебе вопрос? – вырвал меня из мира воспоминаний голос Ольги.

– Конечно. – Я посмотрел ей в глаза. Застилавшая ей глаза пелена исчезла, взгляд Ольги приобрел осмысленность. Странное чувство безвозвратно ушло, и сколько я ни пытался восстановить его в памяти, в голову лезла полнейшая чушь. Но что-то осталось... Что-то вроде легкой оседающей пыли от уехавшего автомобиля... Что-то дикое и прекрасное, страшное и... приятное...

– О чем ты сейчас думал?

– Сейчас?

– Да, сейчас. Ты что, глухой?

Я облизал пересохшие губы.

– О чем я еще сейчас могу думать? У нас одна проблема – как найти дорогу, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо.

– Нет, до этого. У тебя было такое лицо... Словно ты чего-то хотел. *Очень хотел.* – *Ольга в упор смотрела на меня.*

Легкий озноб пробежал по телу от ее пристального взгляда.

«Да, я хотел тебя, я хотел тебя трахнуть прямо в этом вонючем болоте, опрокинуть головой в грязную слякоть и насиловать, и чем извращенней будет секс, тем лучше! А потом достать нож...»

Воображение тут же нарисовало мне картину, как мы, грязные, потные, испачканные тинной и болотной жижей, безумно хохочущие, с вытаращенными глазами, совокупаемся в тошнотворной каше из склизких растений и тухлых жаб.

Эти мысли испугали меня. «Это совсем не то, о чем ты думал», – пытался я себя убедить, но попытки были слабые и неуверенные. Я осмотрел рану. Окровавленный платок на руке, пропитанный уже не только ее, но и моей кровью, порвался и испачкался. Я сорвал его с руки и швырнул в темную жижу. Ольга недоуменно глядела на меня, а я равнодушно смотрел, как он не торопясь скрывался в тине, напоминая миниатюрный кораблик, терпящий бедствие.

– Я тебе сто тысяч таких куплю, когда выберемся, – устало сказал я Ольге.

– Зря ты... У тебя все еще кровь течет, – вяло произнесла девушка.

– Поднимайся, нужно идти. Скоро начнет темнеть.

Она вздохнула, встала, критически оглядев себя:

– Ну и чушка!

– Ерунда, такой ты мне больше нравишься.

Ольга хихикнула.

Мы двинулись дальше. Черные умирающие деревья все больше напоминали молчаливых часовых, застывших навтыжку над темно-серой стоячей водой. До холма оставалось немного. Остаток пути мы прошли без приключений.

Выбравшись на сухое место, я принялся сливать из ботинок отвратительную массу. Ольга обессиленно опустилась на траву и некоторое время лежала без движений.

Над ухом раздалось привычное гудение, и я почти с благодарностью разрешил комару присесть себе на ухо. Присесть, но не более, и в следующую секунду я довольно больно хлопнул себя по уху, после чего взглянул на ладонь. Жужжание возобновилось, что означало, что я промахнулся, но у меня уже не было сил сердиться на этих летучих кровососов. Ольга начала приводить себя в порядок. Разглядывая местность, я обратил внимание на странный предмет, наполовину скрытый мутной желеобразной массой. Предмет был грязно-желтого цвета и имел необычно правильную геометрическую форму. Округлую. Не без труда поднявшись, я сделал два шага.

Подойдя почти вплотную к предмету, я со страхом понял, что это. Сквозь спутанную тину на меня, скалясь, черными дырами смотрел человеческий череп. Откуда он здесь взялся? И сколько пролежал, пять лет, пятьдесят? Руки сами сжались в кулаки, ногти впились в ладони.

«Что же ты так долго не приходил, малыш? Давно жду тебя, а лето выдалось таким долгим и жарким...» – смеялись его пустые глазницы.

– Дима!

– Да? – отозвался я, не оборачиваясь.

– Давай разрежем мою футболку, чтобы перевязать твою рану.

– А ты будешь щеголять нагишом?

– У меня же есть водолазка...

– Не надо, кровь больше не течет, – отмахнулся я, толкнув ногой страшную находку в топь. Недовольно булькнув, череп скрылся в мертвой воде.

Неожиданно очертания предметов стали расплываться, напоминая горячий воск. Ольга все больше становилась похожей на сухой комочек пыли, что в большом количестве скапливаются под кроватью неряхи, воздух, казалось, превратился в плотный сгусток. Чужеродная пластина, закрывающая мою дырку в черепе, будто бы становилась горячей, она словно ширилась в стороны, как расплзающаяся лава, обволакивая всю голову.

Затем меня поглотила темнота.

* * *

Болото – странная, загадочная, непроницаемая для изучения среда. Никто не может с уверенностью сказать, что творится в ее неизмеримых глубинах. Проще исследовать океанскую впадину, чем болотную топь. Какие химические процессы происходят в густой, пастообразной жиже? И какие неведомые силы управляют ими? Песчинка, попавшая под мантию морского моллюска, постепенно становится жемчужиной. Во что превращаются затянутые и поглощенные трясинной?

Молодой человек и девушка выбрались на сушу и вскоре скрылись из виду. Их визит не нарушил мертвой жизни тягучей топи, хотя подобные вмешательства являются очень большой редкостью для нее. Иногда над болотом пролетит птица. Пролетит для того, чтобы потом замертво упасть.

Юноша с девушкой были уже далеко, когда на том месте, где в трясину затянуло носовой платок, перепачканный их кровью, возник огромный грязно-зеленый пузырь. На мгновение он застыл, потом лопнул, распространяя вокруг тошнотворный запах гнили.

В лагере

Дэн недовольно смотрел на оставшиеся семь бутылок пива, выстроившихся у стола, словно поредевший отряд солдат. Зина расположилась на скамейке и деловито грызла кусочек колбасного сыра.

– Говорил вам, экономить нужно, – пробурчал он и занялся разжиганием костра.

Дров было достаточно – обычно их пилили Клим со Строповым, но Клим отправился в Соловки (за ним на моторной лодке приехали двое здоровенных рыбаков) узнать насчет своего катера, а Дмитрий с утра отправился с Ольгой в лес и до сих пор не вернулся, так что в этот раз заготавливал дрова Дэн.

– Ты что, сюда пить приехал? Хватит, лучше бы в лесу ежевики нарвал, мы с Ольгой компот сварили бы. – Ирина открыла упаковку риса и теперь высыпала его в большую алюминиевую кружку, определяя пропорции.

Денис удивленно посмотрел на Иру, словно идея прогуляться в лес раньше никогда не приходила ему в голову. Затем, достав спички, замурлыкал:

Игорек, Игорек, подари мне пузырек?

Правда, ты подаришь? Ты же мне товарищ!

Нет, не подарю!

Ах ты, гадкая свиношка! Я с тобою не дружу!

Отдавай мои игрушки...

– Пиво будет завтра. – Вит достал из потертых джинсов пачку сигарет и с озабоченным видом вытащил одну. – И сигареты тоже, – добавил он, закуривая.

...и не какай в мой горшок!

Отдавай мои бумажки, забирай свои какашки!

Гуфиобиженно засопел, но связываться с Денисом не решил.

– Виталик, ты что-то стал в последнее время слишком много курить. – Диана поморщилась, разгоняя рукой дым. Она сняла наушники и отложила плеер в сторону. Все кассеты она уже переслушала по несколько раз, и они ей опротивели.

Вит усмехнулся:

– Я стал курить не больше, чем наш Дэн стал бухать.

Дэн перестал раздувать пламя и с неприязнью посмотрел на Виталия.

– Мы что, будем считать, кто сколько съел и выпил? – вкрадчиво спросил он.

– Про еду никто ничего не говорил, – спокойно ответил Вит. – А вот ты Игоря уже доконал своим идиотизмом.

– Да? – Дэн вплотную подошел к Виталию и встал в агрессивной позе разгоряченного футболиста, недовольного решением судьбы. – Хотелось бы освежить память одному мальчику...

– Да хватит вам, надоели уже! – перебила его Ирина. – Не можете и полчаса провести, чтобы не поцапаться. То Стропов на всех волком смотрит, то твой язык в помело превращается... Лучше скажите, где искать Диму с Ольгой? Уже восьмой час, а их все нет.

Вит нахмурился. Дмитрия и Ольги нет уже более десяти часов. В короткой записке, оставленной Строповым, лаконично говорилось:

«Ушли в лес. К обеду будем,
Дима, Оля».

– Ждем полчаса. В случае если они не объявятся, мы с Дэном пойдем на поиски. Игорь остается за старшего, – твердо сказал Виталий, стряхивая пепел с сигареты.

– Нет, нет, не оставляйте нас одних, – испуганно заговорила Ди. – Что с ними случится? Никуда они не денутся, не мешки с золотом.

– Ты несешь херню, – Дэн зло посмотрел на нее. Костер уже разгорелся, и Ира поставила на противень котелок с водой. – Имела бы совесть.

– Я не нуждаюсь в твоих...

– Стоп! – Виталий резко оборвал назревающую ссору. – Довольно!

– Возьмите с собой фонари. – Игорь протирал очки все тем же клетчатым платком. Вид у него был безмятежный, но проскальзывающие дрожание нотки выдавали волнение.

Небо постепенно темнело, наливаясь пурпуром. Сгрудившиеся на западе грозовые облака с белой каймой предвещали дождь.

– Нужно нам было ехать с Климом сегодня. А если лодка завтра не придет, а? – капризно протянула Диана, извлекая из косметички свои ножнички и пилочки.

Пронзительный писк прервал разговор. Диана вздрогнула:

– Тьфу ты черт!

Дэн вскочил. С Зиной происходило что-то странное. Крыса выронила остатки сыра и металась по лавке, словно бешеная, волоски на ее шерстке стояли торчком, как наэлектризованные. Перебирая лапками, она судорожно подергивала усиками и жалобно пищала, звуки, издаваемые ею, напоминали плач младенца.

– Что с ней, Денис? – В голосе Ди слышалась тревога.

Дэн озадаченно наблюдал за устроенной Зиной истерикой, затем предпринял попытку взять ее на руки. Бормоча себе под нос что-то успокаивающее, он протянул руку и тут же отдернул ее назад, шипя от боли. На среднем пальце показалась капелька крови, которую Дэн тут же слизнул. Глаза его сверкнули.

– Господи, ну что ты делаешь! – закричала Ира. – А вдруг она заразилась чем-то? Может, она бешеная?!

– Вряд ли. Бешенство так не проявляется, – сказал Дэн, осматривая ранку. – Ах ты, маленькая сучка! И это после всего того, что я для тебя делал?

Зина тем временем просеменила к краю скамьи, все так же попискивая. Секунду она всматривалась в траву, словно вопрос, прыгать вниз или нет, является для нее главным вопросом ее крысиной жизни, после чего, взмахнув задними лапками, нырнула вниз и забарахталась в траве.

Ира ойкнула, Дэн, недолго думая, схватил стоявшую на столе кастрюлю и накрыл ею крысу.

– Молодец, – покачала головой Диана, вставая. – Теперь будешь сам из этой кастрюли есть.

– Конечно, буду. И ты будешь, дорогуша, – пропыхтел Дэн, понемногу приподнимая край кастрюли. Наконец ему удалось схватить зверька, избежав еще одного укуса, и он направился в дом.

Ирина помешала рис.

– Интересно, что с ней? Так она ведет себя впервые. Игорь, подай, пожалуйста, соль.

Гуфипоправил очки и потянулся за пачкой соли.

– Я где-то читал, что крысы вообще, а белые в особенности, не... – начал он.

– Тихо! Кто-то идет! – Вит вскочил. В лесу громко треснула ветка, все повернули в ту сторону головы.

Из дневника Ольги Соломатиной.

19 августа, 18:46

«Наконец мы выбрались из этого болота! И хотя дороги мы пока не нашли, я все равно испытала безмерную радость, когда трясина осталась позади. Я все еще была под сильным впечатлением. Дело в том... Хорошо, что это дневник, и, надеюсь, никто, кроме меня, его никогда не прочтет.

Дело в том, что, когда Дима вытащил меня из топи, в голове у меня что-то переключилось. Как будто кто-то невидимый управлял мною, нажимая разные кнопки, и я видела себя словно со стороны. Странные (или страшные?) желания вдруг обуяли меня. Сейчас я с трудом вспоминаю, что конкретно мне хотелось. И все же...

У меня чесались руки сделать что-то нехорошее с Димой, это я помню отчетливо. А потом (я даже боюсь писать об этом) у меня были галлюцинации. Иначе это не назовешь. Мне показалось, что за кустами прячется моя мама. Представляете?! Моя мама, которая умерла несколько лет назад, она сидела на корточках за кустом и звала меня поиграть с ней. Я растерянно поглядела на Диму, но тот ничего не видел. Получается, это видела только я? Когда я шагнула вперед, никого за кустами не было, но я обратила внимание, что листья дрожали как живые.

Дима неподвижно стоял, слегка наклонив голову, словно прислушиваясь к чему-то. Я вздохнула, стряхивая с себя видение, и вылила из кроссовок воду, после чего обулась.

– Дима! – позвала я, но парень не шелохнулся. Мурашки побежали по моему телу. Что с ним? Я снова позвала его, но он только нервно дернул плечом, словно отмахивался от назойливой мухи. Мне стало страшно.

Я встала и подошла к нему. Когда Дима обернулся, я почувствовала, как у меня обмякли ноги. Лицо его напоминало гипсовую маску, огромные серые глаза, казалось, заполнили все лицо. Губы раздвинулись в усмешке, которая мне ох как не понравилась!

– Тебе плохо? – стараясь не выдавать волнения, спросила я Диму.

Он, все так же продолжая ухмыляться, помотал головой. Затем с удивлением посмотрел на испачканную кровью руку и лизнул ее. Мне стало неприятно.

– Послушай, – начала я, но он вдруг резким движением схватил меня за руку и сильно сжал ее. – Дима, мне больно! – Я пыталась вырваться, но он, улыбаясь, крепко держал меня, его пальцы напоминали стальные клещи.

– Пошли, – вдруг коротко бросил он и с силой потащил меня куда-то в лес.

Господи, что с ним происходит? Куда он ведет меня?!

Словно угадав мои мысли, парень обернулся.

– Не бойся, я не сделаю ничего такого, что смогло бы причинить тебе вред.

«Елки-палки, хоть на этом спасибо!»

Тем не менее я немного успокоилась, но жуткое ощущение никак не хотело покидать меня.

– Ты вспомнил дорогу? – стараясь, чтобы мой голос звучал равнодушно, поинтересовалась я, и он кивнул.

Дима был похож на носорога, ломившегося через бурелом, – он шел быстрым шагом, почти бежал, никуда не сворачивая, не выпуская из руки моего запястья. Ветки хлестали по лицу, в кроссовки набилось трухи и сосновых игл, вдобавок я натерла ноги.

Мы шли уже (шли?! Мы почти бежали!) примерно полчаса в полном молчании. Я пыталась заговорить с Димой, но он не реагировал на мои реплики, замкнувшись, словно улитка, спрятавшаяся в своем домике. Через некоторое время я стала задыхаться.

– Послушай, это хорошо, что ты вспомнил дорогу, но не надо устраивать гонки. Дима, давай передохнем. – Я умоляюще смотрела на него, но с таким же успехом я могла о чем-то просить любое встретившееся на пути дерево.

Новая ветка с силой ударила меня по щеке, оставив на ней длинную царапину.

– Да остановись ты, черт тебя возьми! – закричала я. – Выпусти мою руку, мне больно!

Он на некоторое время ослабил хватку и окинул меня туманным взглядом, словно видя впервые.

– Я делаю тебе больно? – чужим голосом спросил он.

– Да! Кроме того, я устала, у меня болят ноги...

Я не успела закончить, хотя мне очень не терпелось высказать ему все, несмотря на то что, в общем-то, я не особенно люблю жаловаться. Не успела, потому что в следующую секунду он подхватил меня на руки и, сбавив скорости, продолжил путь.

У меня поползли глаза на лоб.

– Это еще зачем? Я вполне могу сама идти, только...

– Так должно быть лучше, – металлическим голосом произнес он, и я поразилась, что его дыхание даже не сбилось.

– Опустить меня на землю, Стропов. – Я старалась, чтобы голос мой звучал грозно, но едва ли это мне удалось.

Дима не обратил на мои слова никакого внимания.

«Как долго он сможет идти со мной?» – думала я, глядя на его застывшее лицо. Глаза были полусонные и производили впечатление, что их хозяин в настоящий момент вряд ли соображает, что делает.

«Похоже, у него раздвоение личности, – решила я. – А впрочем, сейчас это не играет никакой роли. Главное – выбраться отсюда!»

«Ты эгоистка. Развалилась себе, отдыхаешь. Немедленно спустись на землю и шагай сама!» – вдруг откуда-то раздался голос матери.

«Но ведь он сам... Он не дал мне выбора», – пыталась оправдываться я, вместе с тем чувствуя полное блаженство: как это хорошо – немного отдохнуть в руках мужчины. **Моего** мужчины.

Я вспомнила вчерашний вечер. Да, история Игоря шокировала меня, но было что-то еще, о чем я вспоминаю до сих пор. Потрясло меня то, как Дима кидал нож.

Я готова спорить на что угодно, что третий раз он бросал его с закрытыми глазами.

Как он мог попасть в цель?! Это очень странно. Теперь еще его сила и выносливость.

Убаюканная мерным шагом Димы, я чувствовала, что меня клонит в сон. Деревья стали редеть. Дима шел со мной почти полчаса. Дыхание его стало хриплым, руки стали дрожать.

– Дима, – решительно начала я, как вдруг впереди что-то мелькнуло. Что-то... Что-то синее.

Боже мой! Неужели?!

Господи, да это же наши домики!

Ура!

Я хотела завизжать от радости, как вдруг мой взгляд упал на Диму. Лицо его медленно прояснялось, словно выходящее из-за туч солнце, глаза вновь стали живыми.

Господи, спасибо тебе!»

* * *

– Тихо! Кто-то идет! – Вит вскочил. В лесу громко треснула ветка, все повернули в ту сторону головы.

Сквозь деревья стали видны очертания человека, несущего что-то на руках. Через мгновение из леса вышел Дмитрий, на руках он держал Ольгу. Вид у обоих был усталый и изможденный. Подойдя нетвердым шагом к дому, он с великой осторожностью, словно обращаясь с хрустальной вазой, опустил девушку на землю. Игорь направился к ним. Что-то сказав Ольге, Дмитрий, шатаясь, вошел в дом.

Ольга, прихрамывая, медленно подошла к ребятам. Тренировочные брюки по колено забрызганы грязью, на щеке царапина, лицо уставшее, но на губах играет странная улыбка. На брюках и футболке пятна крови.

– Что случилось?! – с тревогой в голосе спросила Ира.

– Мы заблудились. – Ольга села прямо на траву и прислонилась к дереву.

– А откуда кровь? Почему он нес тебя на руках?

– Это кровь Димы, он порезал руку. На нашем пути попалось болото. Черт знает, как оно появилось в здешних местах. Как только мы выбрались, Дима вспомнил дорогу. Вот и все.

– Ну, слава богу, что все обошлось. – Ира расслабилась и принялась хлопотать у костра.

– Да, – Ольга вздохнула. «Столько приключений, а рассказ получился в три предложения», – подумала она.

«Она стала совсем другая! – сделала для себя неожиданное открытие Ди. – Маленькая незаметная мышка превращается в красивую женщину. Может, у них что-то было?»

– С ним все в порядке? – спросил Вит, кивнув в сторону домика.

– Все нормально, – рассеянно ответила Ольга. – Ладно, пойду прилягу.
– Скоро ужинать будем! – крикнула ей вслед Ира.
Гуфиудивленно смотрел вслед девушке.
– Странно все это как-то, – наконец сказал он.
– А по-моему, ничего странного, просто у нас появилась новая семейная пара. – Глаза Дэна весело блеснули. – Прозевал ты свое счастье, Игорь!

* * *

Время текло, словно ледяной океан, в котором медленно и неуклюже, как айсберг, вращалась боль. Я видел нечто похожее на яркий свет в конце бесконечно длинного туннеля, который приближался с каждой секундой. Откуда-то доносилась божественная музыка, она то затихала, то становилась громче.

Открылась дверь, Ольга зашла в дом и, многозначительно улыбаясь, поманила меня пальцем. Лицо ее горело от страстного возбуждения. Я смотрел на нее, не веря своим глазам, чувствуя, как под кожей штанов напрягается мой «младший брат». И это та Ольга, которая раньше боялась взглянуть в лицо собеседнику?! Кряхтя, я встал и подошел к ней.

– Я хочу! – жарко выдохнула девушка, кусая меня за мочку уха.

Я стал неловко стягивать с себя рваную майку.

– Нет, не здесь. Пошли на море. Ты когда-нибудь занимался этим в воде?

Я вышел вслед за ней, мы взялись за руки и, несмотря на боль в стертых до кровавых мозолей ногах, бросились к морю. Сидевшие возле костра ребята провожали нас изумленными взглядами.

Пытаясь раздеться на ходу, я споткнулся и чуть не упал. Оля засмеялась и скинула с себя заляпанную кровью футболку.

«Чья эта кровь, моя или ее?» – думал я, стаскивая с себя пропахшую потом майку. Раздевшись догола, мы с наслаждением окунулись в приятную прохладу вечернего моря.

Вынырнув из воды, Ольга подплыла ко мне и, держась за плечи руками, обвила мой торс своими стройными ногами. Наши губы сошлись в долгом поцелуе, ее ловкий язычок быстро проник в мой рот, она нежно покусывала своими острыми зубками мой язык, стеная от удовольствия.

Неожиданно небо стало быстро затягивать черными тучами, солнце исчезло.

– Ты любишь меня? – хитро спросила она.

Я внимательно посмотрел на девушку. Мне показалось... Нет, конечно, показалось.

Голос Ольги стал хриплым, а зубы... (Да, как насчет зубов?) Там, в лесу, когда мы целовались, ее зубы были белее первого снега. Теперь они были темно-коричневого цвета, словно она наелась шоколада.

«Ты любишь?» Темнота все сгущалась.

Бедра стало нестерпимо жечь. Опустив взгляд вниз, я почувствовал, как у меня зашевелились волосы. Ниже живота Ольги начинались толстые черные лапы какого-то отвратительного существа, покрытые шипами и жесткими волосками. Они сжимали мои бедра все сильнее и сильнее, сдирая клочья мяса. Красная пелена покрыла воду. Резкая боль в плечах заставила меня издать нечеловеческий крик. Подняв голову, я увидел, что тело Ольги покрылось твердым шершавым панцирем, вместо рук – огромные клешни, которыми она заключила меня в свои любовные объятия. Лопнула кожа, по рукам полилась кровь.

«Любишь?..»

Лицо Ольги вытянулось, нос исчез, соединяясь с растягивающимся ртом, превращаясь в огромную дыру, напоминавшую свежевыврытую могилу, откуда доносились пещерные звуки.

Глаза провалились, вместо них на меня уставились два вращающихся в разные стороны омерзительных блестящих отростка.

«Ты любишь?» – прокаркала тварь, обдавая меня смрадным дыханием.

Судорога свела все мои конечности, стайки черных точек появились перед моими глазами, гоняясь друг за другом, и затем медленно исчезли из поля зрения.

С трудом разлепив воспаленные веки, я облизал пересохшие губы. Во рту чувствовался металлический привкус. Я лежал на кровати, прямо в кожаных штанах, перемазанных болотной тиной.

«Это всего лишь сон», – пытался я себя успокоить.

Дома. Мы дома.

(Ты любишь?)

Остро пульсировала порезанная рука, ныли плечи и ноги, будто я в одиночку разгрузил вагон с цементом. Нестерпимо болела сломанная в аварии нога.

«Мы нашли дорогу», – почему-то подумал я и все вспомнил – черепаху, секс с Ольгой, порезанную руку, болото. А дальше... Память, до этого услужливо предоставлявшая мне нужные факты, неожиданно заупрямилась, будто машина, у которой вдруг заглох двигатель.

...а дальше у тебя опять начался приступ, разве ты не это хочешь себе сказать? Один из тех, которые происходят с тобой все чаще и чаще.

«Да, но как мы нашли дорогу обратно?! – закричал мой внутренний голос. – Я же ничего не помню!»

Скрипнув, открылась дверь. Ольга.

Борясь с подступающей тошнотой, я со страхом посмотрел на ее ноги. Обычные ноги. И руки обычные.

На меня внезапно нахлынуло необъяснимое чувство. Я привстал, Ольга шагнула ко мне, и я заключил ее в объятия. Глаза Ольги наполнились слезами.

– Ну что ты, все же в порядке, – успокаивал я ее, ласково глядя по голове.

– Ты что, совсем ничего не помнишь? – всхлипнула она.

– Оля... В свое время ты все узнаешь. Главное – мы вернулись.

– Это все из-за аварии, да? – Девушка смотрела мне прямо в глаза.

– В общем, да, – неохотно ответил я, дотронувшись рукой до того места, где была вживлена пластина.

Мы сели на топчан.

– Послушай, – нерешительно начал я. – Я бы не хотел, чтобы о происшедшем знали наши ребята...

– Я ничего им не сказала. – Ольга прильнула ко мне. – Ты помнишь, как ты нес меня на руках?

– На руках? – Я с удивлением уставился на нее. – С чего это?

Ольга рассказала, как мы добрались домой.

Я мгновенно покрылся потом. Как мне это удалось?

– ...лицо твое было похоже... на маску, а глаза стали будто стеклянные...

«Знала бы ты, на что было похоже во сне твое лицо», – я невесело улыбнулся.

– Сколько? – спросил я.

– Чего сколько? – Ольга непонимающе посмотрела на меня.

– Сколько я тебя нес? У меня дико болят все мышцы, будто меня через мясорубку прокрутили.

– Ну, точно не знаю. Минут тридцать, наверное. Как твоя рука?

Я посмотрел на порез. Рана уже затянулась и покрылась коркой, но все равно еще болела.

– В норме.

Ольга внимательно смотрела на меня.

– С тобой все в порядке?

– В настоящий момент да.

– Пойдем умоемся, ребята ужин приготовили.

Я поднялся с кровати и увидел, что перепачкал все покрывало.

– Дима?

– Я за него. – Я стал стаскивать с себя майку.

– А я знаю, о чем ты думал там, в болоте. – Глаза Ольги заблестели. Они сияли той же голубизной, как умытое ливнем небо.

(Секс, грязный, грубый секс.)

– Знаешь, и хорошо, – отрубил я, чувствуя, что краснею.

(Ты любишь, любишь?)

Я взял мыло и полотенце, вспомнив свои ощущения. От воспоминаний по моему телу прошла дрожь.

– Пойдем после ужина на море?

(Ты когда-нибудь занимался этим в воде?..)

Я вздрогнул, чуть не выронив мыло. Колючий холодок пробежал по спине. Внимательно посмотрел на Ольгу. Она призывно и многообещающе улыбнулась.

– Нет, – поспешно ответил я, пожалуй, слишком поспешно. Брови Ольги удивленно взметнулись вверх.

– Уже поздно, да и рука разболелась, – сконфуженно сказал я и торопливо вышел наружу.

Умывшись, я подошел к костру и сразу поймал затравленный взгляд Дианы. С запада, где начало темнеть небо, уже доносились первые раскаты грома. Солнце окрашивало края надвигающихся туч в ослепительно-желтые тона и светило в случайные просветы, словно блестел чистейший топаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.